

МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ДЕТСКИЙ САД № 29 Г. ЧЕЛЯБИНСКА»

**СБОРНИК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
(с иллюстрациями)
для детей с расстройствами
аутистического спектра**

ЧЕЛЯБИНСК, 2024

Данный сборник разработан для детей дошкольного возраста, имеющих расстройства аутистического спектра, и включает в себя тщательно подобранные художественные произведения.

Основная цель сборника — создать комфортную и безопасную среду для восприятия литературы, способствующую развитию воображения, эмоционального восприятия и социальных навыков.

Каждое произведение сопровождается яркими и понятными иллюстрациями, которые учитывают особенности восприятия мира детьми с аутизмом.

Визуальный ряд помогает детям устанавливать связь между текстом и изображением, облегчая понимание содержания и стимулируя интерес к чтению.

Произведения подобраны с учетом простоты и ясности формулировок, что позволяет поддерживать внимание и вовлеченность детей.

Сборник предназначен для воспитателей и специалистов, а также может быть рекомендован родителям дошкольников.

Авторы учителя-дефектологи:

Волкова Лариса Павловна

Ермолина Ольга Владимировна

Артемьева Ольга Викторовна

Методическое сопровождение

Старкова Елена Николаевна, заместитель заведующего по ВМР.

Оглавление

Малые формы фольклора	4
Потешки:	4
Ай, дуду-дуду-дуду,	4
Водичка, водичка, мой мое личико	6
Зайка начал умываться	7
Расти, коса, до пояса	8
Малыши-крепыши вышли на площадку	9
Лепим, лепим пирожок	10
Варись-варись кашка	11
Сорока-белобока кашку варила, деток кормила.	12
Где же, где же наши ручки?	13
Пальчики засыпают	14
Считалка ЧИКИ-БРИКИ	15
Русские народные песенки:	16
Песня "Как у бабушки козёл"	16
Как на тоненький ледок	18
Песенки народов мира:	20
Английская песенка "Котята" (перевод Самуил Яковлевич Маршак).....	20
«Ослик мой быстрее шагай». Слова из французской народной поэзии Перевод Н. Гернет и С. Гиппиус Музыка Е. Попляновой	21
Былина «Садко»	22
Заклички:	30
Дождик, дождик, веселей.....	30
Грачи-киричи	31
Русские народные сказки	32
Русская сказка «Жихарка»	32
Русская народная сказка «Гуси-лебеди»	37
Русская сказка «Снегурочка»	42
Зимовье зверей (сказка в обработке А.Н. Толстого)	45
Заяц-хвостун (в обработке О. Капицы).....	49
Сказки народов мира	51
Колосок (укр.)	51
«Три поросёнка» (англ., в пересказе С. Михалкова)	54
«Кот в сапогах». Ш. Перро (Перевод и пересказ Т. Габбе)	64
«Кукушка» (ненецк., обр. К. Шаврова)	72
Произведения поэтов и писателей России	75
Поэзия	75
И. Токмакова «Дуб».....	75
А. Блок «Зайчик»	76

К. Чуковский «Мойдодыр»	78
С. Маршак «Вот какой рассеянный»	84
Сергей Есенин «Берёза»	88
Александр Сергеевич Пушкин «У лукоморья» (из поэмы «Руслан и Людмила»)	90
Иван Бунин «Первый снег»	92
Проза	93
Л. Толстой «Хотела галка пить»	93
В. Сутеев «Палочка-выручалочка»	94
В. Катаев «Цветик-семицветик»	102
Николай Носов «Огурцы»	122
Николай Носов «Мишкина каша»	126

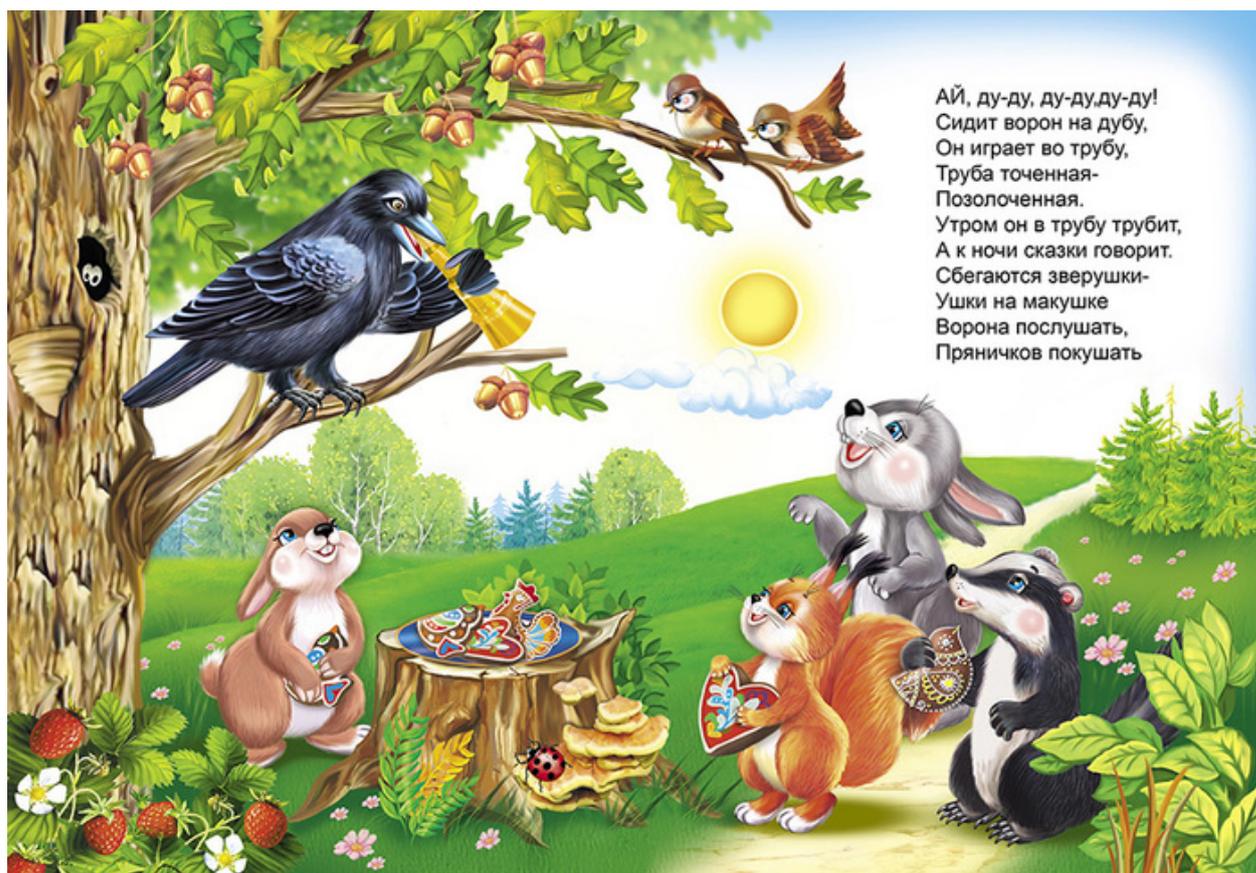
Малые формы фольклора

Потешки:

Ай, дуду-дуду-дуду,

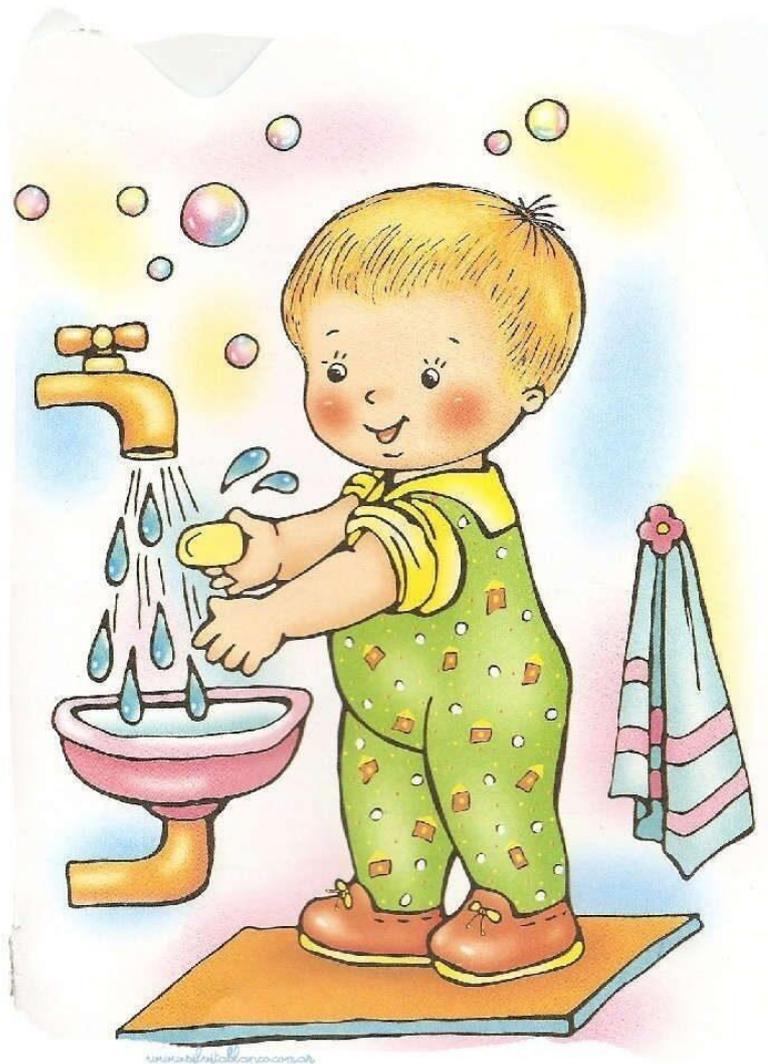
Ай, дуду-дуду-дуду,
Сидит ворон на дубу.
Он играет во трубу,
Он играет во трубу,
Во серебряную.
Труба точеная,
Позолоченная,

Песня ладная,
Сказка складная.

Ай, ду-ду, ду-дуду-ду!
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу,
Труба точенная-
Позолоченная.
Утром он в трубу трубит,
А к ночи сказки говорит.
Сбегаются зверушки-
Ушки на макушке
Ворона послушать,
Пряничков покушать

Водичка, водичка, мой мое личико

**Водичка, водичка
умой моё личико,
Чтобы глазки
блестели,
Чтобы щечки
краснели,
Чтоб смеялся
роток,
Чтоб кусался
зубок.**

**Народная
прибаутка**

Зайка Начал умываться

Зайка начал умываться,
Видно, в гости он собрался.
Вымыл ротик,
Вымыл носик,
Вымыл ухо —
Вот и сухо.

Расти, коса, до пояса

Малыши-крепьши вышли на площадку

Малыши-крепьши
Вышли на площадку,
Малыши-крепьши
Делают зарядку!
Раз-два,
Три-четыре.
Руки выше!
Ноги шире!

Лепим, лепим пирожок

Лепим, лепим пирожок
И кладем начинку
В пирожок положим мы
Ягодку малинку.
Испечем мы пирожок
Для любимой мамы
Очень вкусный пирожок
Испекли мы сами

Варись-варись кашка

Варись-варись кашка
В голубенькой чашке
Варись поскорее
Булькай веселее
Варись, кашка, сладка
Из густого молока
Да из манной крупки.
У того, кто кашу ест
Вырастут все зубки!

Сорока-белобока кашку варила, деток кормила.
Сорока-белобока кашку варила, деток кормила.

Этому дала на блюдечке,

Этому на тарелочке,

Этому на ложечке,

Этому поскребышки.

А этому ничего.

Ты, мал-маленек,

Дров не рубил, за водой не ходил, кашки не варил.

Сорока-белобока
Кашку варила,
Деток кормила.
Этому дала на блюдечке,
Этому на тарелочке,
Этому на ложечке,
Этому поскребышки.
А этому нет ничего.
Ты, мал-маленёк,
Дров не рубил,
За водой не ходил,
Кашки не варил.

Где же, где же наши ручки?

1. Где же, где же наши ручки? (прячут ручки за спиной)

Где же наши ручки?

Где же, где же наши ручки?

Нету наших ручек.

Вот, вот наши ручки, (показывают ручки, выполняют "фонарики")

Вот наши ручки.

Пляшут, пляшут наши ручки,

Пляшут наши ручки.

2. Где же, где же наши ножки? (прячут коленочки)

Где же наши ножки?

Где же, где же наши ножки?

Нету наших ножек.

Вот, вот наши ножки, (ручки на поясе, топаем ножками)

Вот наши ножки.

Пляшут, пляшут наши ножки,

Пляшут наши ножки.

3. Где же, где же наши детки? (закрываем лицо ладошками)

Где же наши детки?

Где же, где же наши детки?

Нету наших деток.

Вот, вот наши детки, (открываем лицо, весело танцуем)

Вот наши детки.

Пляшут, пляшут наши детки,

Пляшут наши детки.

Пальчики засыпают

Этот пальчик хочет спать,

Этот пальчик лёг в кровать,

Этот пальчик чуть вздремнул,

Этот пальчик уж уснул,

Этот пальчик крепко спит,

Никто больше не шумит.

(Загибать пальцы по очереди, начиная с мизинца.)

«Пальчики засыпают»

Этот пальчик хочет спать.

Этот пальчик – прыг в кровать!

Этот пальчик прикорнул.

Этот пальчик уж заснул.

Встали пальчики. Ура!

В детский сад идти пора.

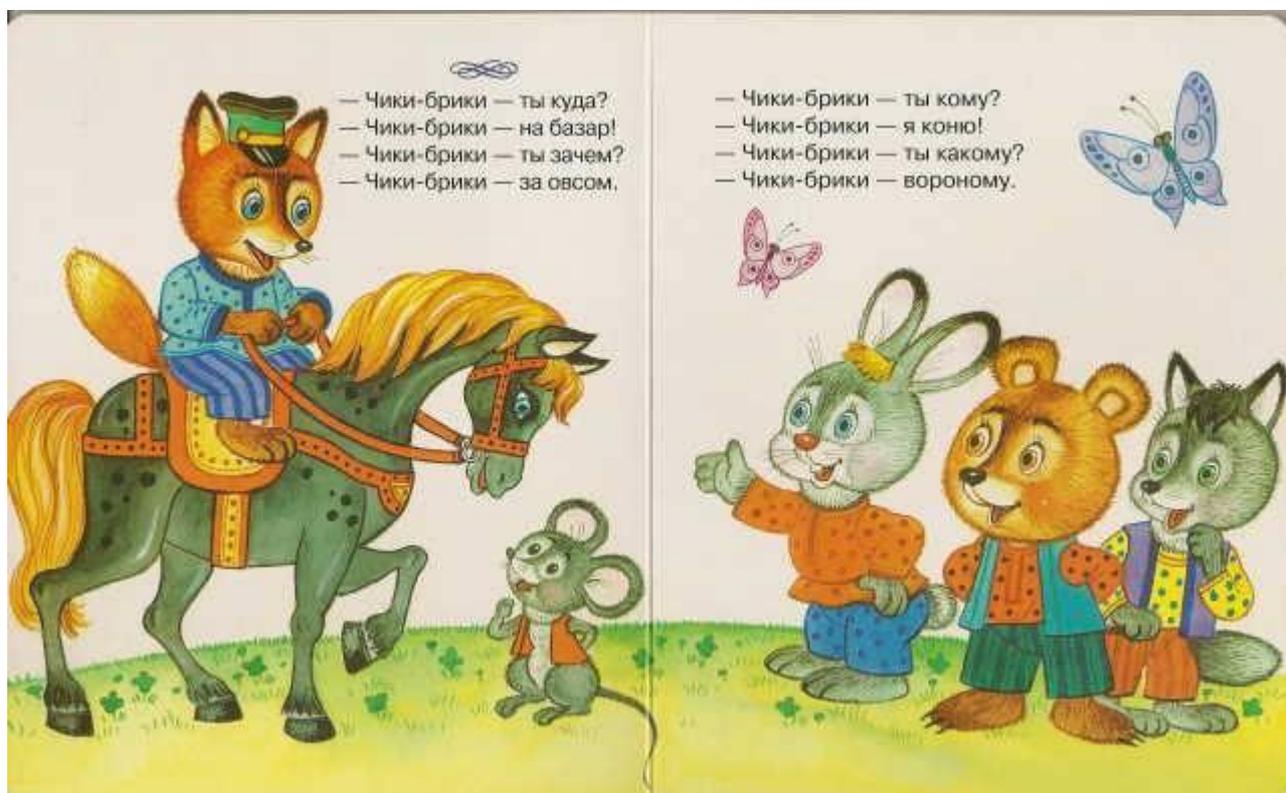
Считалка ЧИКИ-БРИКИ

Все участники игры встают в круг плотно друг к другу и выставляют перед собой два пальца, указательный и средний одной руки. Один из участников говорит считалку:

"Чики- брики, пальчик выкинь!"

При этом он на каждое слово прикасается своим указательным пальцем до пальцев игроков.

На чей палец выпадет последнее слово "выкинь" тот его убирает, и считалку продолжают снова. Тот, кто убрал два своих пальца — выходит. Остаётся последний — ему и водить.

Русские народные песенки:

Песня "Как у бабушки козёл".

Текст (слова):

Как у бабушки козел,

У Варварушки козел.

Тирли-тирли-тирли-ли,

У Варварушки козел.

Попросился козел

У бабушки во лесок.

Тирли-тирли-тирли-ли,

У бабушки во лесок.

Как на встречу козлу

Идут семеро волков

Тирли-тирли-тирли-ли,

Идут семеро волков.

Ты давай-ка, козел,

Мы поборемся.

Тирли-тирли-тирли-ли,

Мы поборемся.

А как волк козла

поборол со зла.

Тирли-тирли-тирли-ли,

Поборол со зла.

КАК У БАБУШКИ КОЗЕЛ

Русская народная песня

Весело

Как у - ба - буш - ки ко - зел, у Вар - ва - руш - ки ко - зел.
Тыр - тыр, ты - ры - ры, у Вар - ва - руш - ки ко - зел.

1. Как у бабушки козел,
У Варварушки козел.
Тыр-тыр, тыры-ры,
У Варварушки козел.
2. Попросился козел
У бабушки погулять.
Тыр-тыр, тыры-ры,
У бабушки погулять.
3. Как навстречу козлу
Идут семеро волков.
4. — Ты давай-ка, козенок,
Мы поборемся.
Тыр-тыр, тыры-ры,
Мы поборемся.
5. А как наш козел
Волка поборол.
Тыр-тыр, тыры-ры,
Волка поборол.

Как на тоненький ледок

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок.
Эх! Зимушка, зима,
Зима снежная была.

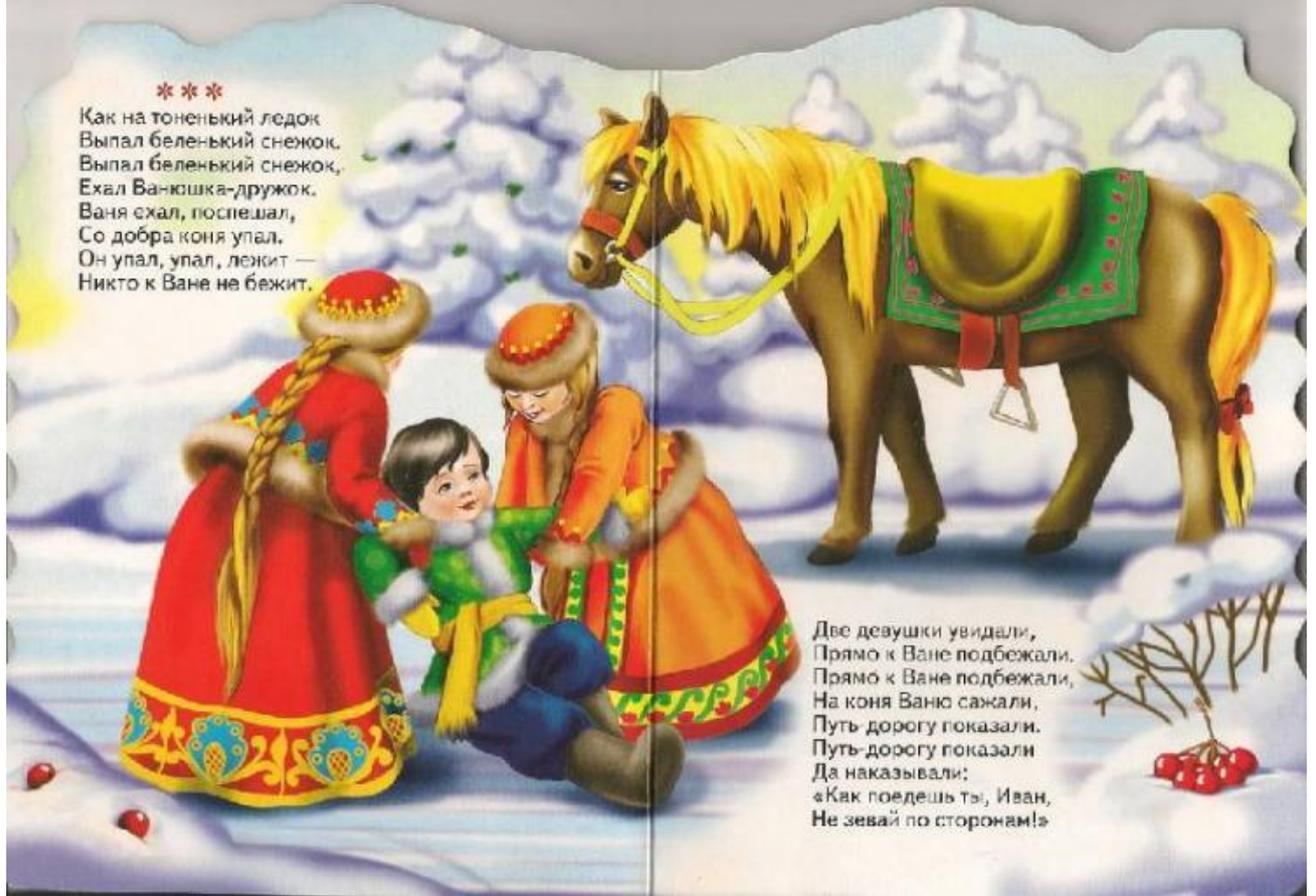
Выпал беленький снежок,
Ехал Ванечка-дружок.
Эх! Зимушка, зима,
Зима снежная была.

Ехал Ваня, поспешал,
Со добра коня упал.
Эх! Зимушка, зима,
Зима снежная была.

Он упал да лежит,
Никто к Ване не бежит.
Эх! Зимушка, зима,
Зима снежная была.

Две подружки увидали,
Скоро к Ване подбежали.
Эх! Зимушка, зима,
Зима снежная была.

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок,
Ехал Ванюшка-дружок,
Ваня сжал, поспешал,
Со добра коня упал.
Он упал, упал, лежит —
Никто к Ване не бежит.

Две девушки увидели,
Прямо к Ване подбежали,
Прямо к Ване подбежали,
На коня Ваню сажали,
Путь-дорогу показали.
Путь-дорогу показали
Да наказывали:
«Как поедешь ты, Иван,
Не зевай по сторонам!»

Песенки народов мира:

Английская песенка "Котятa" (перевод Самуил Яковлевич Маршак)

Два маленьких котенка поссорились в углу,
Сердитая хозяйка взяла свою метлу
И вымела из кухни дерущихся котят
Не справившись при этом, кто прав, кто виноват.
А дело было ночью, зимою, в январе.
Два маленьких котенка озябли во дворе.
Легли они, свернувшись, на камень у крыльца,
Носы уткнули в лапки и стали ждать конца.
Но сжалилась хозяйка и отворила дверь.
- Ну что, - она спросила, - не ссоритесь теперь?
Прошли они тихонько в свой угол на ночлег,
Со шкурок отряхнули холодный, мокрый снег
И оба перед печкой заснули сладким сном.
А вьюга до рассвета шумела за окном.

**«Ослик мой быстрее шагай». Слова из французской народной поэзии Перевод
Н. Гернет и С. Гиппиус Музыка Е. Попляновой**

Ослик мой, быстрее шагай,
Едем мы в далекий край.
Что оттуда привезем?
Ослик мой, быстрее шагай...

Привезем в родимый дом
Ломтик солнечный в мешке,
Ломтик лунный в узелке.
Ослик мой, быстрее шагай.

Былина «Садко»

В богатом Новгороде жил добрый молодец, по имени Садко, а по-уличному прозывался Садко-гусяр.

Жил бобылем, с хлеба на квас перебивался — ни двора, ни кола. Только гусли, звонкие, яровчатые, да талант гусяра-певца и достались ему в наследство от родителей. А слава о нем рекой катилась по всему Великому Новгороду. Недаром звали Садко и в боярские терема златоверхие, и в купеческие хоромы белокаменные на пирах играть, гостей потешать. Заиграет он, заведет напев — все бояре знатные, все купцы первостатейные слушают гусяра, не наслушаются. Тем молодец и жил, что по пирам ходил.

Но вот вышло так: день и два Садко на пир не зовут и на третий день не зовут, не кличут. Горько и обидно ему показалось.

Взял Садко свои гусельцы яровчатые, пошел к Ильмень-озеру. Сел на берегу на синь-горюч камень и ударил в струны звонкие, завел напев переливчатый. Играл на берегу с утра до вечера.

А на закате красного солнышка взволновалось Ильмень-озеро. Поднялась волна, как высокая гора, вода с песком смешалась, и вышел на берег сам Водяной — хозяин Ильмень-озера. Оторопь гусяра взяла. А Водяной сказал таковы слова:

— Спасибо тебе, Садко, гусяр новгородский! Было у меня столованье-гулянье, почестей пир. Веселил ты, потешал гостей моих. И хочу я тебя за то пожаловать! Позовут тебя завтра к первостатейному купцу на гусях играть, именитых новгородских купцов потешать. Попьют, поедят купцы, похваляться станут, порасхвастаются. Один похвалится несчетной золотой казной, другой — дорогими товарами заморскими, третий станет хвастать добрым конем да шелковым портом. Умный похвалится отцом с матерью, а неумный — молодой женой.

Потом спросят тебя купцы именитые, чем бы ты, Садко, похвалиться мог, похвастаться. А я тебя научу, как ответ держать да богатым стать.

И поведал Водяной — хозяин Ильмень-озера гусяру-сироте тайну дивную.

На другой день позвали Садко в белокаменные палаты именитого купца на гусях играть, гостей потешать.

Столы от напитков да от кушаний ломаются. Пир-столованье вполпира, а гости, купцы новгородские, сидят вполпьяна. Стали друг перед другом хвастать: кто золотой казной-богачеством, кто дорогими товарами, кто добрым конем да шелковым портом. Умный хвалится отцом, матушкой, а неумный хвастает молодой женой.

Принялись потом Садко спрашивать, у доброго молодца выпытывать:

— А ты, молодой гусяр, чем похвалишься?

На те слова-речи Садко ответ держит:

— Ах, купцы вы богатые новгородские! Ну чем мне перед вами хвастать-похваляться? Сами знаете: нет у меня ни золота, ни серебра, нет в гостином ряду лавок с дорогими товарами. Одним только я и похвалиться могу. Один только я знаю-ведаю чудо чудное да диво дивное. Есть в нашем славном Ильмень-озере рыба — золотое перо. И никто той рыбы не вылавливал. Не видывал, не вылавливал. А кто ту рыбу — золотое перо выловит да ухи похлебает, тот из старого молодым станет. Только тем и могу похвалиться я, похвастаться!

Зашумели купцы именитые, заспорили:

— Пустым ты, Садко, похваляешься. Из веки веков никто не слыхивал, что есть такая рыба — золотое перо и что, похлебавши ухи из той рыбы, стар человек молодым, могутным станет!

Шестеро самых богатых новгородских купцов пуще всех спорили:

— Нету рыбы такой, о коей ты, Садко, сказываешь. Мы станем биться о велик заклад. Все наши лавки в гостином ряду, все наше именье-богачество прозакладываем! Только тебе против нашего заклада великого выставить нечего!

— Рыбу — золотое перо я берусь выловить! А против вашего заклада великого ставлю свою буйную голову, — отвечал Садко-гуслиар.

На том дело поладили и рукобитьем об заклад спор покончили,

В скором времени связали невод шелковый. Забросили тот невод в Ильмень-озеро первый раз — и вытащили рыбу — золотое перо. Выметали невод другой раз — и выловили еще одну рыбу — золотое перо. Закинули невод третий раз — поймали третью рыбу — золотое перо. Сдержал свое слово Водяной — хозяин Ильмень-озера: наградил Садко, пожаловал. Выиграл сирота-гуслиар велик заклад, получил богатство несметное и стал именитым новгородским купцом. Повел торговлю большую в Новгороде, а приказчики его торгуют по иным городам, по ближним и дальним местам. Множится богатство Садко не по дням, а по часам. И стал он вскорости самым богатым купцом в славном Великом Новгороде. Выстроил палаты белокаменные. Горницы в тех палатах чудо-дивные: дорогим заморским деревом, златом-серебром да хрусталем изукрашены. Эдаких горниц отродясь никто не видывал, и наслыху таких покоев не было.

А после того женился Садко, привел молодую хозяйку в дом и завел в новых палатах почестей пир-столованье. Собирал на пир бояр родовитых, всех купцов новгородских именитых; позвал и мужиков новгородских. Всем нашлось место в хоромах хлебосольного хозяина. Напивались гости, наедались, захмелели, заспорили. Кто о чем беседы громко ведут да похваляются. А Садко по палатам похаживает и говорит таковы слова:

— Гости мои любезные: вы, бояре родовитые, вы, купцы богатые, именитые, и вы, мужики новгородские! Все вы у меня, у Садко, на пиру напились, наелись, а теперь шумно спорите, похваляетесь. Иной правду говорит, а иной и пустым похваляется. Видно, надо мне и о себе сказать. Да и чем мне стать похваляться? Богатству моему и сметы нет. Золотой казны столько у меня, что могу все товары новгородские скупить, все товары — худые и хорошие. И не станет товаров никаких в Великом славном Новгороде.

Та заносчивая речь, хвастливая, обидной показалась всей застолице — и боярам, и купцам, и мужикам новгородским. Зашумели гости, заспорили:

— Век того не бывало и не будет, чтоб один человек мог скупить все товары новгородские, купить и продать наш Великий славный Новгород. И мы бьемся с тобой о велик заклад в сорок тысячей: не осилить тебе, Садко, Господина Великого Новгорода. Сколь бы ни был богат-могуч один человек, а против города, против народа он — пересохшая соломинка!

А Садко на своем стоит, не унимается и бьется о велик заклад, выставляет сорок тысячей...

И на том пируванье-столованье окончилось. Разошлись гости, разъехались.

А Садко на другой день вставал раным-ранешенько, умывался белешенько, будил свою дружину, верных помощников, насыпал им золотой казны полным-полно и отправлял по улицам торговым, а сам Садко шел в гостиный ряд, где торгуют лавки дорогими товарами. Так целый день с утра до вечера Садко, богатый купец, со своими верными помощниками скупали все товары во всех лавках Великого славного Новгорода и к закату солнышка скупили все, как метлой замели. Не осталось товаров в Новгороде ни на медный грош.

А на другой день — глядь-поглядь — от товаров новгородские лавки ломаются, навезли за ночь товаров больше прежнего.

Со своей дружиной, с помощниками принялся Садко товары скупать по всем улицам торговым и в гостинном ряду. И к вечеру, к закату солнышка, не осталось в Новгороде товаров ни на единый грош. Все скупили и свезли в амбары Садко-богача.

На третий день послал с золотой казной Садко помощников, а сам пошел в гостиный ряд и видит: товаров во всех лавках больше прежнего. Ночью подвезли товары московские. Слышит Садко молву, что обозы с товарами из Москвы идут, и из Твери идут, и из многих других городов, а по морю корабли бегут с товарами заморскими.

Тут призадумался Садко, пригорюнился:

— Не осилить мне Господина Великого Новгорода, не скупить мне товаров всех русских городов и со всего свету белого. Видно, сколь я ни богат, а богаче меня Великий славный Новгород. Лучше мне мой заклад потерять — сорок тысячей. Все равно не осилить мне города да народа новгородского. Вижу теперь, что нет такой силы-могущества, чтоб один человек мог народу супротивиться.

Отдал Садко свой великий заклад — сорок тысячей. И построил сорок кораблей. Погрузил на корабли все товары скупленные и поплыл на кораблях торговать в страны заморские. В заморских землях продал товары новгородские с большим барышом.

А на обратном пути на синем море приключилась невзгода великая. Все сорок кораблей будто к месту приросли, остоялися. Ветер мачты гнет и снасти рвет, бьет морская волна, а все сорок кораблей будто на якорях стоят, с места тронуться не могут.

И сказал Садко кормчим да команде судовой:

— Видно, требует царь Морской с нас дань- выкуп. Берите, ребяташки, бочку золота да мечите деньги во сине море.

Выметали в море бочку золота, а корабли по-прежнему с места не тронулись. Их волною бьет, ветер снасти рвет.

— Не принимает царь Морской нашего золота, — проговорил Садко. — Не иначе как требует с нас живую душу себе.

И приказал жребий метать. Каждому достался жребий липовый, а Садко себе жребий взял дубовый. И на каждом жребии именная помета. Метнули жребий во сине море. Чей жребий утонет, тому и к Морскому царю идти.

Липовые — будто утки поплыли. На волне качаются. А дубовый жребий самого Садко ключом на дно пошел.

Проговорил тогда Садко:

— Тут промашка вышла: дубовый жребий тяжелей липовых, потому он и на дно пошел. Кинем-ко еще разок.

Сделал Садко себе жребий липовый, и еще метнули жребий во сине море. Все жеребья утицей-гоголем поплыли, а Садков жребий, как ключ, на дно нырнул. Сказал тогда Садко, купец богатый, новгородский:

— Делать нечего, ребяташки, видно, царь Морской ничьей иной головы не хочет принять, а требует он мою буйную голову.

Взял он бумагу да перо гусяное и принялся распись писать: как и кому его именье-богачество оставить. Отписал, отказал деньги монастырям на помин души. Наградил свою дружину, всех помощников и приказчиков. Много казны отписал на нищую братию, на вдов, на сирот, много богатства отписал-отказал своей молодой жене. После того проговорил:

— Спускайте-ко, любезные дружинники мои, за борт доску дубовую. Страшно мне сразу вдруг спускаться во сине море.

Спустили широкую надежную доску на море. С верными дружинниками Садко простился, прихватил свои гусли, звонкие, яровчатые.

— Сыграю на доске последний разок перед тем, как смерть принять!

И с теми словами спустился Садко на дубовый плот, а все корабли тотчас с места тронулись, паруса шелковые ветром наполнились, и поплыли они своим путем-дорогою, будто остановки никакой и не было. Понесло Садко на дубовой доске по морю-океану, а он лежит, на гусельцах тренькает, тужит о своей судьбе-доле, свою жизнь прежнюю вспоминает. А доску-плот морская волна покачивает, Садко на доске убаюкивает, и не заметил он, как впал в дрему и уснул глубоким сном.

Долго ли, коротко ли тот сон длился — неведомо. Проснулся-пробудился Садко на дне моря-океана, возле палат белокаменных. Из палат слуга выбежал и повел Садко в хоромы. Завел в большую горницу, а там сам царь Морской сидит. На голове у царя золотая корона. Заговорил Морской царь:

— Здравствуй, гость дорогой, долгожданный! Много я о тебе слышал от моего племянника Водяного — хозяина славного Ильмень-озера — про твою игру на гусях яровчатых. И захотелось мне самому тебя послушать. Для того и корабли твои остановил, и твой жребий именно два раза утопил.

После того позвал челядинца:

— Топи жарко баню! Пусть наш гость с дороги попарится, помоеется, а после того отдохнет. Потом пир заведем. Скоро званые гости съезжаться станут.

Вечером завел Морской царь пир на весь мир. Съехались цари да царевичи из разных морей. Водяные из разных озер да рек. Приплыл и Водяной — хозяин Ильмень-озера. Напитков да кушаний у царя Морского вдоволь: пей, ешь, душа-мера!

Наугощались гости, захмелели. Говорит хозяин, царь Морской:

— Ну, Садко, потешь, позабавь нас! Да играй веселей, чтобы ноги ходуном ходили.

Заиграл Садко задорно, весело. Гости за столом усидеть не могли, выскочили из-за столов да в пляс пустились и так расплясались, что на море-океане великая буря началась. И много в ту ночь кораблей сгнуло. Страсть сколько людей потонуло!

Играет гусяр, а Морские цари с царевичами да Водяные пляшут, покрикивают:

— Ой, жги, говори!

Тут возле Садко оказался Водяной — хозяин Ильмень-озера и зашептал гусяру на ухо:

— Нехорошее дело тут творится у моего дядюшки. На море-океане от этой пляски такая непогода разыгралась. Кораблей, людей и товаров погибло — тьма-тьмущая. Перестань играть, и пляска кончится.

— Как же я перестану играть? На дне моря-океана у меня не своя воля. Покуда дядя твой, сам царь Морской, не прикажет, я остановиться не могу.

— А ты струны оборви да шпенечки повыломай и скажи царю Морскому, запасных-де нет у тебя, а здесь запасных струн да шпенечков негде взять. А как перестанешь играть да окончится пир-столованье, разъедутся гости по домам, царь Морской, чтоб удержать тебя в подводном царстве, станет понуждать тебя выбрать невесту и жениться. А ты на то соглашайся. Проведут перед тобой сперва триста девиц-красавиц, потом еще триста девиц — что ни вздумать, ни сказать, ни пером описать, а только в сказке рассказать — пройдут перед тобой, а ты стой да молчи. Поведут перед тобой еще триста девиц краше прежнего. Ты всех пропусти, укажи на последнюю и скажи: «Вот на этой девушке, на Черनावушке, я жениться хочу». То — моя родная сестра, она тебя из неволи, из плена выручит.

Проговорил эти слова Водяной — хозяин Ильмень-озера и смешался с гостями.

А Садко струны оборвал, шпенечки повыломал и говорит Морскому царю:

— Надо струны заменить да шпенечки новые приладить, а запасных у меня нету.

— Ну где я тебе теперь струны найду да шпенечки. Завтра гонцов пошлю, а сегодня пир- столованье уж кончается.

На другой день говорит Морской царь:

— Быть тебе, Садко, моим верным гусяром. Всем твоя игра по душе пришлась. Женись на любой морской девице-красавице, и тебе в моем морском царстве-государстве жить будет лучше, чем в Новгороде. Выбирай себе невесту!

Хлопнул царь Морской в ладони — и, откуда ни возьмись, пошли мимо Садко девицы-красавицы, одна другой краше. Так прошло триста девиц. За теми еще идут триста девиц, таких пригожих, что пером не описать, только в сказке рассказать, а Садко стоит молчит. За теми красавицами еще идут триста девиц, много краше прежних.

Глядит Садко, не налюбуется, а как последняя в ряду девица-красавица показалась, сказал гусяр Морскому царю:

— Выбрал я себе невесту. Вот на этой девице-красавице и жениться хочу, — показал он на Черनावушку.

— Ай да молодец ты, Садко-гусяр! Выбрал ты невесту хорошую: ведь она моя племянница, Чернава-река. Будем мы теперь с тобой в родстве.

Принялись веселым пирком да за свадебку. Пир-столованье окончилось. Отвели молодых в особый покой. И лишь только двери затворились, сказала Чернава Садко:

— Ложись, спи-почивай, ни о чем не думай. Как мне брат, Водяной, хозяин Ильмень-озера, приказал, так все и сбудется.

Накатился, навалился на Садко сон глубокий. А как пробудился поутру — и глазам своим не верит: сидит он на крутом берегу реки Чернавы, там, где в Волхов-реку Чернава впадает. А по Волхову бегут-поспешают его сорок кораблей с верной дружиною.

И дружина с кораблей Садко увидела, сдивовалася:

— Оставили мы Садко во синем море-океане, а Садко нас встречает близ Новгорода. То ли, братцы, не чудо, то ли не диво!

Спустили и послали за Садко карбасок — лодку малую. Перебрался Садко на свой корабль, и в скором времени подошли корабли к новгородской пристани. Выгрузили товары заморские да бочки с золотом в амбары Садко-купца.

Позвал Садко своих верных помощников, дружину в палаты белокаменные. А на крыльцо выбегала молодая жена-красавица. Кидалась она на грудь Садко, обнимала его, целовала:

— А ведь было мне видение, мой муж дорогой, что прибудешь ты сегодня из заморских стран!

Попили они, поели, и стал Садко жить-поживать в Новгороде со своей молодой женой. А на том мой сказ о Садко и кончается.

Заклички:

Дождик, дождик, веселей
Дождик, дождик, веселей
Капай, капай, не жалеи!
Только нас не замочи!
Зря в окошко не стучи
Брызни в поле пуще:
Станет травка гуще!

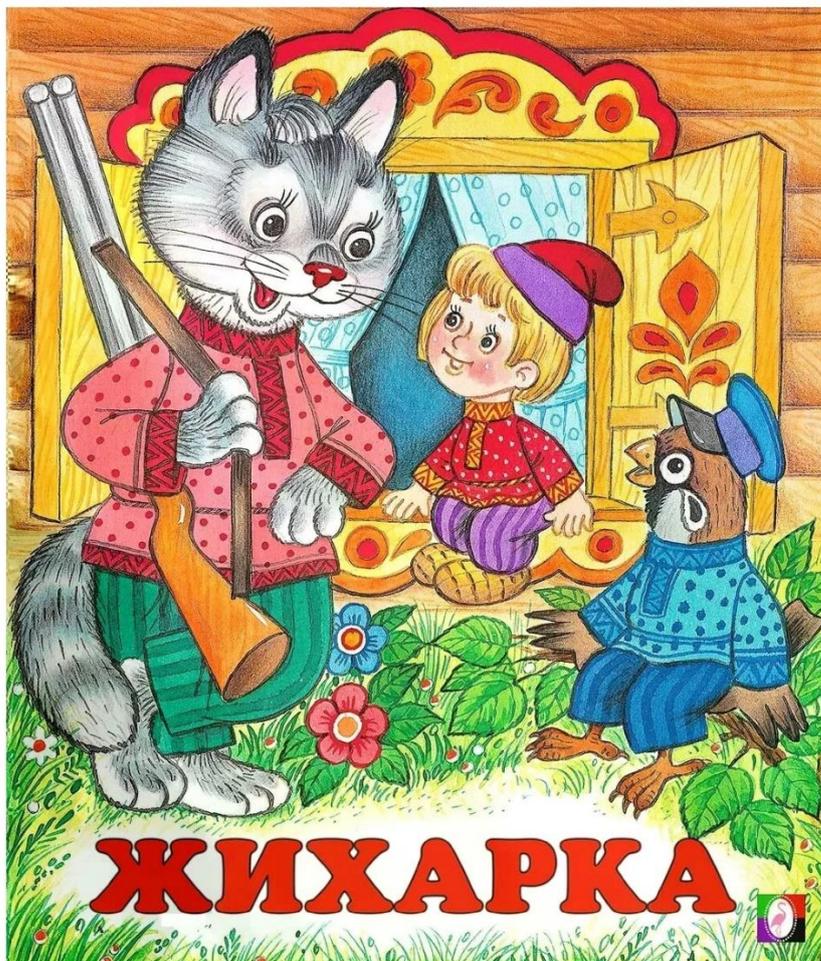

Грачи-киричи

Грачи-киричи
Летите, летите,
Дружную весну
Несите, несите!

Русские народные сказки
Русская сказка «Жихарка»

Жили-были в избушке кот, петух да маленький человечек — Жихарка. Кот с петухом на охоту ходили, а Жихарка домовничал. Обед варил, стол накрывал, ложки раскладывал. Раскладывает да приговаривает:

— Эта простая ложка — котова, эта простая ложка — Петина, а эта не простая, точеная, ручка золоченая, — это Жихаркина. Никому ее не отдам.

Вот прослышала лиса, что в избушке Жихарка один хозяйничает, и захотелось ей жихаркиного мяса попробовать.

Кот да петух, как уходили на охоту, всегда велели Жихарке двери запирать. Запирал Жихарка двери. Все запирал, а один раз и забыл. Справил Жихарка все дела, обед сварил, стол накрыл, стал ложки раскладывать да и говорит:

— Эта простая ложка — котова, эта простая ложка — Петина, а эта не простая, точеная, ручка золоченая, — Жихаркина. Никому ее не отдам.

Только хотел ее на стол положить, а по лестнице — топ-топ-топ.

Лиса идет!

Испугался Жихарка, с лавки соскочил, ложку на пол уронил — и поднимать некогда — да под печку и залез. А лиса в избушку вошла, глядь туда, глядь сюда — нет Жихарки.

«Постой же, — думает лиса, — ты мне сам скажешь, где сидишь».

Пошла лиса к столу, стала ложки перебирать:

— Эта ложка простая — Петина, эта ложка простая — котова, а эта ложка не простая — точеная, ручка золоченая, — эту я себе возьму.

А Жихарка-то под печкой во весь голос:

— Ай, ай, ай, не бери, тетенька, я не дам!

— Вот ты где, Жихарка!

Подбежала лиса к печке, лапку в подпечье запустила, Жихарку вытащила, на спину перекинула — да в лес.

Домой прибежала, печку жарко истопила: хочет Жихарку изжарить да съесть.

Взяла лиса лопату:

— Садись, — говорит, — Жихарка.

А Жихарка маленький, да удаленький.

На лопату сел, ручки-ножки растопырил — и в печку-то и нейдет.

— Не так сидишь, — говорит лиса.

Повернулся Жихарка к печи затылком, ручки-ножки растопырил — в печку-то и нейдет.

— Да не так, — лиса говорит.

— А ты мне, тетенька, покажи, я ведь не умею.

— Экой ты недогадливый! — лиса Жихарку с лопаты сбросила, сама на лопату прыг, в кольцо свернулась, лапки спрятала, хвостом накрылась. А Жихарка ее толк в печку да заслонкой прикрыл, а сам скорей вон из избы да домой.

А дома-то кот да петух плачут, рыдают:

— Вот ложка простая — котова, вот ложка простая — Петина, а нет ложки точеной, ручки золоченой, да и нет нашего Жихарки, да и нет нашего маленького!

Кот лапкой слезы утирает, Петя крылышком подбирает.

Вдруг по лестнице — тук-тук-тук. Жихарка бежит, громким голосом кричит:

— А вот и я! А лиса в печке сжарилась!

Обрадовались кот да петух. Ну Жихарку целовать! Ну Жихарку обнимать! И сейчас кот, петух и Жихарка в этой избушке живут, нас в гости ждут.

Русская народная сказка «Гуси-лебеди»

Жили-были муж да жена. Были у них дочка Машенька да сын Ванюшка.

Собрались раз отец с матерью в город и говорят Маше:

— Ну, дочка, будь умница: никуда не уходи, береги братца. А мы вам с базара гостинцев привезём.

Вот отец с матерью уехали, а Маша посадила братца на травку под окном и побежала на улицу, к подружкам.

Вдруг, откуда ни возьмись, налетели гуси-лебеди, подхватили Ванюшку, посадили на крылья и унесли.

Вернулась Маша, глядь — братца нету! Ахнула она, кинулась туда, сюда — нигде Ванюшки не видно. Кликкала она, кликала — братец не откликается. Стала Маша плакать, да слезами горю не поможешь. Сама виновата, сама и найти братца должна.

Выбежала Маша в чистое поле, глянула по сторонам. Видит — метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом.

Догадалась Маша, что это гуси-лебеди унесли её братца, бросилась догонять их.

Бежала, бежала, видит — стоит в поле печка. Маша к ней:

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Подбрось в меня дровец,— говорит печка,— тогда скажу!

Маша поскорее дровец нарубила, в печку подбросила.

Печка сказала, в какую сторону бежать.

Побежала Маша дальше.

Видит — стоит яблоня, вся румяными яблочками увешана, ветки до самой земли склонились. Маша к ней:

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Стряси мои яблочки, а то все ветки погнулись — стоять тяжело!

Стрясла Маша яблочки, яблоня ветки подняла, листики расправила. Маше дорогу показала.

Бежит Маша дальше и видит: течёт молочная речка — кисельные берега. Маша к ней:

— Молочная речка — кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Упал в меня камень,— отвечает речка,— мешает молоку дальше течь. Сдвинь его в сторону — тогда скажу, куда гуси-лебеди полетели.

Отломила Маша большую ветку, сдвинула камень. Зажурчала речка, сказала Маше, куда ей бежать, где гусей-лебедей искать.

Бежала, бежала Маша и прибежала к дремучему лесу. Стала на опушке и не знает, куда теперь идти, что делать. Смотрит — сидит под пеньком ёж.

— Ёжик, ёжик,— спрашивает Маша,— не видал ли ты, куда гуси-лебеди полете ли?

Ёжик говорит:

— Куда я покачусь, туда и ты иди!

Свернулся он клубочком и покатился между ёлками, между берёзками. Катился, катился и прикатился к избушке на курьих ножках.

Смотрит Маша — сидит в той избушке баба-яга, пряжу прядёт. А Ванюшка возле крылечка золотыми яблочками играет.

Подкралась Маша тихонько к избушке, схватила братца и побежала домой.

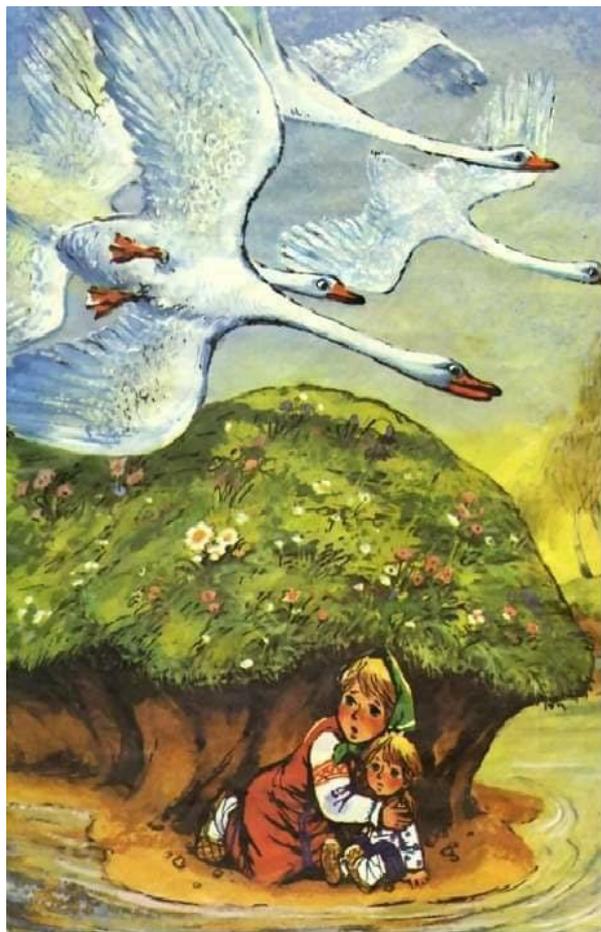
Немного спустя глянула баба-яга в окно: нету мальчика! Кликнула она гусей-лебедей:

— Скорей, гуси-лебеди, летите в погоню!

Взвились гуси-лебеди, закричали, по летели.

А Маша бежит, несёт братца, ног под собой не чувствует. Глянула назад — увидела гусей-лебедей... Что делать? Побежала она к молочной речке — кисельным берегам. А гуси-лебеди кричат, крыльями хлопают, нагоняют её...

— Речка, речка, — просит Маша, — спрячь нас!

Речка посадила её с братцем под крутой бережок, от гусей-лебедей спрятала.

Гуси-лебеди Машу не увидели, мимо пролетели.

Вышла Маша из-под крутого бережка, поблагодарила речку и опять побежала.

А гуси-лебеди увидели её — воротились, летят навстречу. Подбежала Маша к яблоне:

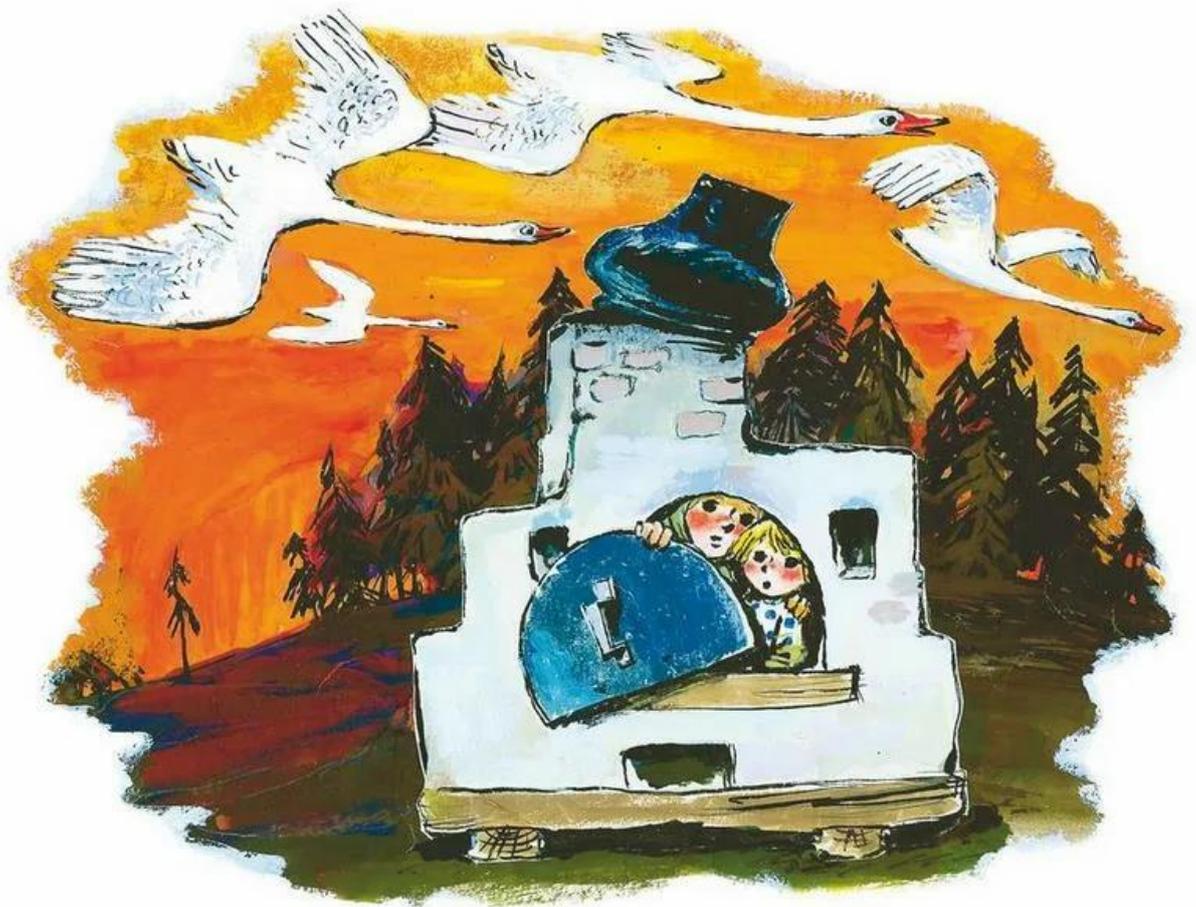
— Яблонька, яблонька, спрячь меня!

Яблонька заслонила её ветками, прикрыла листочками. Гуси-лебеди покружились, покружились, не нашли Машу и Ванюшку и пролетели мимо.

Вышла Маша из-под яблони, поблагодарила её и опять пустилась бежать!

Бежит она, несёт братца, уж недалеко и до дома... Да, на беду, гуси-лебеди снова увидели её — и ну за ней! Гогочут, налетают, крыльями над самой головой машут — того и гляди, Ванюшку из рук вырвут... Хорошо, что печка рядом. Маша к ней:

— Печка, печка, спрячь меня!

Печка её спрятала, заслонкой закрыла. Гуси-лебеди к печке подлетели, давай заслонку открывать, да не тут-то было. Сунулись они в трубу, да в печку не попали, только крылья сажей вымазали.

Покружились они, покружились, покричали, покричали да так ни с чем и вернулись к бабе-яге...

А Маша с братцем вылезла из печки и пустилась домой во весь дух. Прибежала домой, умыла братца, причесала, посадила на лавочку, сама рядом с ним села.

Тут скоро и отец с матерью вернулись из города, гостинцы привезли.

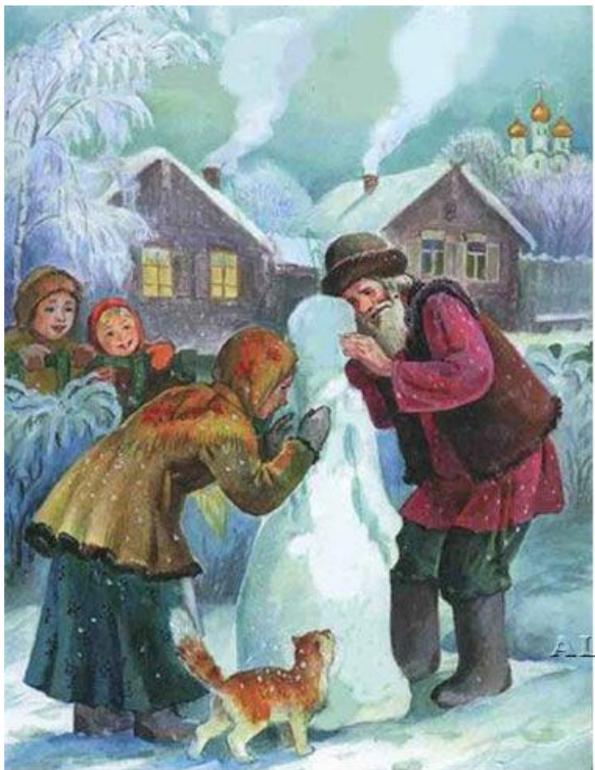
Русская сказка «Снегурочка»

Жили-были старик со старухой. Жили ладно, дружно. Все бы хорошо, да одно горе — детей у них не было.

Вот пришла зима снежная, намело сугробов до пояса, высыпали ребятишки на улицу поиграть, а старик со старухой на них из окна глядят да про свое горе думают.

— А что, старуха, — говорит старик, — давай мы себе из снега дочку сделаем?

— Давай, — говорит старуха.

Надел старик шапку, вышли они на огород и принялись дочку из снега лепить. Скатали они снежный ком, руки, ноги приладили, сверху снежную голову приставили. Вылепил старик нос, нарисовал рот, глаза.

Глядь — а у Снегурочки губы порозовели, глаза открылись; смотрит она на стариков и улыбается. Потом стряхнула с себя снег — и вышла из сугроба живая девочка.

Обрадовались старики, привели ее в избу. Глядят на нее, не налюбуются.

И стала расти у стариков дочка не по дням, а по часам; что ни день, то все краше становится. Сама беленькая, точно снег, коса русая до пояса, только румянца нет вовсе.

Не нарадуются старики на дочку, души в ней не чают. Растет дочка и умная, и смышленная, и веселая. И работа у Снегурочки в руках спорится, а песню запоет — заслушаешься.

Прошла зима.

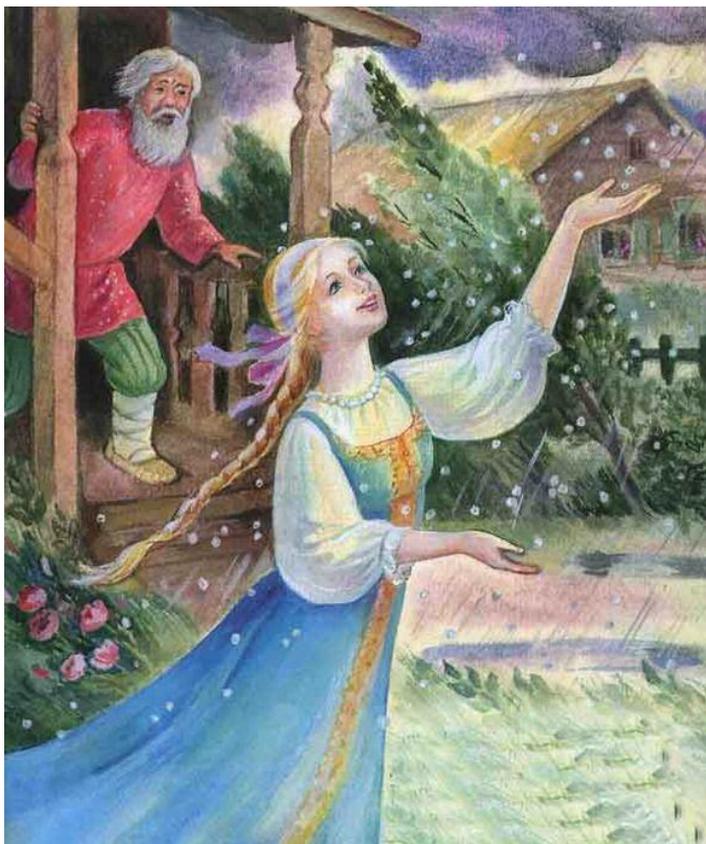
Начало пригревать весеннее солнышко. Зазеленела трава на проталинках, запели жаворонки.

А Снегурочка вдруг запечалилась.

— Что с тобой, дочка? — спрашивают старики. — Что ты такая невеселая стала? Иль тебе неможется?

— Ничего, батюшка, ничего, матушка, я здорова.

Вот и последний снег растаял, зацвели цветы на лугах, птицы прилетели. А Снегурочка день ото дня все печальнее, все молчаливее становится. От солнца прячется. Все бы ей тень да холодок, а еще лучше — дождичек.

Раз надвинулась черная туча, посыпался крупный град. Обрадовалась Снегурочка граду, точно жемчугу перекатному. А как снова выглянуло солнышко и град растаял, Снегурочка заплакала, да так горько, словно сестра по родному брату...

За весной лето пришло. Собрались девушки на гулянье в рощу, зовут Снегурочку:

— Пойдем с нами, Снегурочка, в лес гулять, песни петь, плясать!

Не хотелось Снегурочке в лес идти, да старуха ее уговорила:

— Пойди, дочка, повеселись с подружками!

Пришли девушки со Снегурочкой в лес.

Стали цветы собирать, венки плести, песни петь, хороводы водить. Только одной Снегурочке по-прежнему невесело.

А как свечерело, набрали они хворосту, разложили костер и давай все друг за дружкой через огонь прыгать. Позади всех и Снегурочка встала. Побежала она в свой черед за подружками.

Прыгнула над огнем и вдруг растаяла, обратилась в белое облачко.

Обернулись подружки — а Снегурочки нет.

Стали кликать они ее:

— Ау, ау, Снегурушка!

Только эхо им в лесу откликнулось...

Зимовье зверей (сказка в обработке А.Н. Толстого)

У старика со старухой были бык, баран, гусь да петух и свинья.

Вот старик и говорит старухе:

— А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, зарежем его к празднику!

— Так что ж, зарежем.

Услышал это петух и ночью в лес убежал. На другой день старик искал, искал — не мог найти петуха.

Вечером опять говорит старухе:

— Не нашел я петуха, придется нам свинью заколоть!

— Ну, заколи свинью.

Услышала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал, искал свинью — не нашел.

— Придется барана резать!

— Ну что ж, зарежь.

Баран услышал это и говорит гусю:

— Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня!

И убежали баран с гусем в лес.

Вышел старик на двор — нет ни барана, ни гуся. Искал, искал — не нашел:

— Что за чудо! Вся скотина извелась, один бык остался. Придется, видно, быка резать!

— Ну что ж, зарежь.

Услышал это бык и убежал в лес.

Летом в лесу привольно. Живут беглецы — горя не знают. Но прошло лето, пришла и зима.

Вот бык пошел к барану:

— Как же, братцы, товарищи? Время приходит студеное — надо избу рубить.

Баран ему отвечает:

— У меня шуба теплая, я и так прозимую.

Пошел бык к свинье:

— Пойдем, свинья, избу рубить!

— А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: заруюсь в землю и без избы прозимую.

Пошел бык к гусю:

— Гусь, пойдем избу рубить!

— Нет, не пойду. Я одно крыло постелю, другим накроюсь— меня никакой мороз не проймет.

Пошел бык к петуху:

— Давай избу рубить!

— Нет, не пойду. Я зиму и так под елью просижу.

Бык видит: дело плохо. Надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу ставить.

И срубил себе избушку один. Затопил печку и полеживает, греется.

А зима завернула холодная — стали пробирать морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может — и пошел к быку.

— Бэ-э!.. Бэ-э! Пусти меня в избу!

— Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба теплая, ты и так прозимуешь.

— А коли не пустишь, я разбежусь, вышибу дверь с крючьев, тебе же будет холоднее.

Бык думал, думал: «Дай пуцу, а то застудит он меня».

— Ну, заходи.

Баран вошел в избу и перед печкой на лавочку лег.

Немного погода прибежала свинья:

— Хрю! Хрю! Пусти меня, бык, погреться!

— Нет, свинья. Я тебя звал избу рубить, так ты сказала, что тебе хоть какие морозы — ты в землю зароешься.

— А не пустишь, я рылом все углы подрою, твою избу уроню!

Бык подумал-подумал: «Подроет она углы, уронит избу».

— Ну, заходи.

Забежала свинья в избу и забралась в подполье.

За свиньей гусь летит:

— Гагак! Гагак! Бык, пусти меня погреться!

— Нет, гусь, не пуцу! У тебя два крыла, одно подстелешь, другим оденешься — и так прозимуешь.

— А не пустишь, так я весь мох из стен вытерем!

Бык подумал-подумал и пустил гуся. Зашел гусь в избу и сел на шесток.

Немного погодя прибегает петух.

— Ку-ка-ре-ку! Бык, пусти меня в избу.

— Нет, не пущу, зимуй в лесу, под елью.

— А не пустишь, так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, в избу холода напушу.

Бык пустил и петуха. Взлетел петух в избу, сел на брус и сидит.

Вот они живут себе — впятером — поживают. Узнали про это волк и медведь.

— Пойдем, — говорят, — в избушку, всех поедим, сами станем там жить.

Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

— Иди ты вперед, ты здоровый.

— Нет, я ленив, ты шустрей меня, иди ты вперед.

Волк и пошел в избушку. Только вошел — бык рогами его к стене и припер. Баран разбежался — да бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

— Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съест волка хочу!

Гусь его за бока щиплет, а петух бегаёт по брусам да кричит:

— А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

Медведь услышал крик да бежать. А волк рвался, рвался, насилиу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

— Ну что мне было! До смерти чуть не забили... Как вскочил мужичище, в черном армячище, да меня ухватом-то к стене и припер. А поменьше мужичишка, в сереньком армячишке, меня обухом по бокам, да все обухом по бокам. А еще поменьше того, в беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужичишка, в красненьком халатишке, бегаёт по брусам да кричит: «А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья еще кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съест его хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке близко не подходили.

А бык, баран, гусь да петух и свинья живут там, поживают и горя не знают.

Заяц-хвастун (в обработке О. Капицы)

Жил-был заяц в лесу. Летом жилось ему хорошо, а зимой голодно. Вот забрался он раз к одному крестьянину на гумно снопы воровать, видит: там уже много зайцев собралось. Он и начал им хвастать:

- У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи,
я никого не боюсь!

Пошел зайчик опять в лес, а другие зайцы рассказали тетке вороне, как заяц хвастался. Полетела ворона хвастунишку разыскивать. Нашла его под кустом и говорит:

- А ну, скажи, как ты хвастался?

- А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а
зубищи.

Потрепала его ворона за ушки и говорит:

- Смотри, больше не хвастай!

Испугался заяц и обещал больше не хвастать.

Вот сидела раз ворона на заборе, вдруг собаки набросились на нее и стали трепать. Увидел заяц, как собаки ворону треплют, и думает: надо бы вороне помочь. А собаки увидели зайца, бросили ворону да побежали за зайцем. Заяц быстро бежал – собаки гнались за ним, гнались, совсем выбились из сил и отстали от него.

Сидит ворона опять на заборе, а заяц отдышался и прибежал
к ней.

- Ну, – говорит ему ворона, – ты молодец: не хвастун, а храбрец!

Сказки народов мира

Колосок (укр.)

Жили-были два мышонка, Круть и Верть, да петушок Голосистое Горлышко.

Мышата только и знали, что пели да плясали, крутились да вертелись.

А петушок чуть свет поднимался, сперва всех песней будил, а потом принимался за работу. Вот однажды подметал петушок двор и видит на земле пшеничный колосок.

— Круть, Верть, — позвал петушок, — глядите, что я нашёл!

Прибежали мышата и говорят:

— Нужно его обмолотить.

— А кто будет молотить? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал один.

— Только не я! — закричал другой.

— Ладно, — сказал петушок, — я обмолочу.

И принялся за работу. А мышата стали играть в лапту.

Кончил петушок молотить и крикнул:

— Эй, Круть, эй, Верть, глядите, сколько я зерна намолотил!

Прибежали мышата и запищали в один голос:

— Теперь нужно зерно на мельницу нести, муки намолоть!

— А кто понесёт? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал Круть.

— Только не я! — закричал Верть.

— Ладно, — сказал петушок, — я снесу зерно на мельницу.

Взвалил себе на плечи мешок и пошёл.

А мышата тем временем затеяли чехарду. Друг через друга прыгают, веселятся.

Вернулся петушок с мельницы, опять зовёт мышат:

— Сюда, Круть, сюда. Верть! Я муку принёс.

Прибежали мышата, смотрят, не нахвалятся:

— Ай да петушок! Ай да молодец! Теперь нужно тесто замесить да пироги печь.

— Кто будет месить? — спросил петушок.

А мышата опять своё:

— Только не я! — запищал Круть.

— Только не я! — запищал Верть.

Подумал, подумал петушок и говорит:

— Видно, мне придётся.

Замесил он тесто, натаскал дров, затопил печь. А как печь истопилась, посадил в неё пироги.

Мышата тоже времени не теряют: песни поют, пляшут.

Испеклись пироги, петушок их вынул, выложил на стол, а мышата тут как тут.

И звать их не пришлось.

— Ох и проголодался я! — пищит Круть.

— Ох и есть хочется! — пищит Верть.

И за стол сели.

А петушок им говорит:

— Подождите, подождите! Вы мне сперва скажите, кто нашёл колосок.

— Ты нашёл! — громко закричали мышата.

— А кто колосок обмолотил? — снова спросил петушок.

— Ты обмолотил! — потише сказали оба.

— А кто зерно на мельницу носил?

— Тоже ты, — совсем тихо ответили Круть и Верть.

— А тесто кто месил? Дрова носил? Печь топил? Пироги кто пёк?

— Всё ты. Всё ты, — чуть слышно пропищали мышата.

— А вы что делали?

Что сказать в ответ? И сказать нечего. Стали Круть и Верть вылезать из-за стола, а петушок их не удерживает.

Не за что таких лодырей и лентяев пирогами угощать!

«Три поросёнка» (англ., в пересказе С. Михалкова)

Жили-были на свете три поросёнка. Три брата.

Все одинакового роста, кругленькие, розовые, с одинаковыми весёлыми хвостиками.

Даже имена у них были похожи. Звали поросят Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф. Всё лето они кувыркались в зелёной траве, грелись на солнышке, нежились в лужах.

Но вот наступила осень.

Солнце уже не так сильно припекало, серые облака тянулись над пожелтевшим лесом.

— Пора нам подумать о зиме, — сказал как-то Наф-Наф своим братьям, проснувшись рано утром. — Я весь дрожу от холода. Мы можем простудиться. Давайте по строим дом и будем зимовать вместе под одной тёплой крышей.

Но его братьям не хотелось браться за работу. Гораздо приятнее в последние тёплые дни гулять и прыгать по лугу, чем рыть землю и таскать тяжёлые камни.

— Успеется! До зимы ещё далеко. Мы ещё погуляем, — сказал Ниф-Ниф и перекувырнулся через голову.

— Когда нужно будет, я сам построю себе дом, — сказал Нуф-Нуф и лёг в лужу.

— Я тоже, — добавил Ниф-Ниф.

— Ну, как хотите. Тогда я буду один строить себе дом, — сказал Наф-Наф. — Я не буду вас дожидаться.

С каждым днём становилось всё холоднее и холоднее.

Но Ниф-Ниф и Нуф-Нуф не торопились. Им и думать не хотелось о работе. Они бездельничали с утра до вечера. Они только и делали, что играли в свои поросёньи игры, прыгали и кувыркались.

— Сегодня мы ещё погуляем, — говорили они, — а завтра с утра возьмёмся за дело.

Но и на следующий день они говорили то же самое.

И только тогда, когда большая лужа у дороги стала по утрам покрываться тоненькой корочкой льда, ленивые братья взялись наконец за работу.

Ниф-Ниф решил, что проще и скорее всего смастерить дом из соломы. Ни с кем не посоветовавшись, он так и сделал. Уже к вечеру его хижина была готова.

Ниф-Ниф положил на крышу последнюю соломинку и, очень довольный своим домиком, весело запел:

Хоть полсвета обойдёшь,

Обойдёшь, обойдёшь,

Лучше дома не найдёшь,

Не найдёшь, не найдёшь!

Напевая эту песенку, он направился к Нуф-Нуфу.

Нуф-Нуф невдалеке тоже строил себе домик. Он старался скорее покончить с этим скучным и неинтересным делом. Сначала, так же как и брат, он хотел построить себе дом из соломы. Но потом решил, что в таком доме зимой будет очень холодно. Дом будет прочнее и теплее, если его построить из веток и тонких прутьев.

Так он и сделал.

Он вбил в землю колья, переплёл их прутьями, на крышу навалил сухих листьев, и к вечеру дом был готов.

Нуф-Нуф с гордостью обошёл его несколько раз кругом и запел:

У меня хороший дом,

Новый дом, прочный дом.

Мне не страшен дождь и гром,

Дождь и гром, дождь и гром!

Не успел он закончить песенку, как из-за куста выбежал Ниф-Ниф.

— Ну вот и твой дом готов! — сказал Ниф-Ниф брату. — Я говорил, что мы и одни справимся с этим делом! Теперь мы свободны и можем делать всё, что нам вздумается!

— Пойдём к Наф-Нафу и посмотрим, какой он себе выстроил дом! — сказал Нуф-Нуф. — Что-то мы его давно не видели!

— Пойдём посмотрим! — согласился Ниф-Ниф.

И оба брата, довольные тем, что им ни о чём больше не нужно заботиться, скрылись за кустами.

Наф-Наф вот уже несколько дней был занят постройкой. Он натаскал камней, на месил глины и теперь не спеша строил себе надёжный, прочный дом, в котором можно было бы укрыться от ветра, дождя и мороза.

Он сделал в доме тяжёлую дубовую дверь с засовом, чтобы волк из соседнего леса не мог к нему забраться.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф застали брата за работой.

— Что ты строишь?! — в один голос закричали удивлённые Ниф-Ниф и Нуф-Нуф.

— Что это, дом для поросёнка или крепость?

— Дом поросёнка должен быть крепостью! — спокойно ответил им Наф-Наф, продолжая работать.

— Не собираешься ли ты с кем-нибудь воевать? — весело прохрюкал Ниф-Ниф и подмигнул Нуф-Нуфу.

И оба брата так развеселились, что их визг и хрюканье разнеслись далеко по лужайке.

А Наф-Наф как ни в чём не бывало продолжал класть каменную стену своего дома, мурлыча себе под нос песенку:

Я, конечно, всех умней,
Всех умней, всех умней!
Дом я строю из камней,
Из камней, из камней!

Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не ворвётся в эту дверь,
В эту дверь, в эту дверь!

— Это он про какого зверя? — спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа.

— Это ты про какого зверя? — спросил Нуф-Нуф у Наф-Нафа.

— Это я про волка! — ответил Наф-Наф и уложил ещё один камень.

— Посмотрите, как он боится волка! — сказал Ниф-Ниф.

— Он боится, что его съедят! — до бавил Нуф-Нуф.

И братья ещё больше развеселились.

— Какие здесь могут быть волки? — сказал Ниф-Ниф.

— Никаких волков нет! Он просто трус! — добавил Нуф-Нуф.

И оба они начали приплясывать и петь:

Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

Они хотели подразнить Наф-Нафа, но тот даже не обернулся.

— Пойдём, Нуф-Нуф, — сказал тогда Ниф-Ниф. — Нам тут нечего делать!

И два храбрых братца пошли гулять.

По дороге они пели и плясали, а когда вошли в лес, то так расшумелись, что разбудили волка, который спал под сосной.

— Что за шум? — недовольно про ворчал злой и голодный волк и поскакал к тому месту, откуда доносились визг и хрюканье двух маленьких глупых поросят.

— Ну какие тут могут быть волки! — говорил в это время Ниф-Ниф, который волков видел только на картинках.

— Вот мы его схватим за нос, будет знать! — добавил Нуф-Нуф, который тоже никогда не видел живого волка.

— Повалим, да ещё свяжем, да ещё ногой вот так, вот так! — расхвастался Ниф-Ниф и показал, как они будут расправляться с волком.

И братья опять развеселились и запели:

Нам не страшен серый волк,

Серый волк, серый волк!

Где ты ходишь, глупый волк,

Старый волк, страшный волк?

И вдруг они увидели настоящего живого волка! Он стоял за большим деревом, и у него был такой страшный вид, такие злые глаза и такая зубастая пасть, что у Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа по спинкам про бежал холодок и тонкие хвостики мелко мелко задрожали.

Бедные поросята не могли даже пошевелинуться от страха.

Волк приготовился к прыжку, щёлкнул зубами, моргнул правым глазом, но поросята вдруг опомнились и, визжа на весь лес, бросились наутёк.

Никогда ещё не приходилось им так быстро бегать! Сверкая пятками и поднимая тучи пыли, поросята неслись каждый к своему дому.

Ниф-Ниф первый добежал до своей соломенной хижины и едва успел захлопнуть дверь перед самым носом волка.

— Сейчас же отопри дверь! — прорычал волк. — А не то я её выломаю!

— Нет, — прохрюкал Ниф-Ниф, — я не отопру!

За дверью было слышно дыхание страшного зверя.

— Сейчас же отопри дверь! — прорычал опять волк. — А не то я так дуну, что весь твой дом разлетится!

Но Ниф-Ниф от страха ничего уже не мог ответить.

Тогда волк начал дуть: «Ф-ф-ф-у-у-у!»

С крыши дома слетали соломинки, стены дома тряслись.

Волк ещё раз глубоко вдохнул и дунул во второй раз: «Ф-ф-ф-у-у-у!»

Когда волк дунул в третий раз, дом разлетелся во все стороны, как будто на него налетел ураган.

Волк щёлкнул зубами перед самым пяточком маленького поросёнка. Но Ниф-Ниф ловко увернулся и бросился бежать. Через минуту он был уже у двери Нуф-Нуфа.

Едва успели братья запереться, как услышали голос волка:

— Ну, теперь я съем вас обоих!

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф испуганно поглядели друг на друга. Но волк очень устал и потому решил пойти на хитрость.

— Я передумал! — сказал он так громко, чтобы его услышали в домике. — Я не буду есть этих худосочных поросят! Я лучше пойду домой!

— Ты слышал? — спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа. — Он сказал, что не будет нас есть! Мы — худосочные!

— Это очень хорошо! — сказал Нуф-Нуф и сразу перестал дрожать.

Братьям стало весело, и они запели как ни в чём не бывало:

Нам не страшен серый волк,

Серый волк, серый волк!

Где ты ходишь, глупый волк,

Старый волк, страшный волк?

А волк и не думал никуда уходить. Он просто отошёл в сторонку и притаился. Ему было очень смешно. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не расхохотаться. Как ловко он обманул двух глупых, маленьких поросят!

Когда поросята совсем успокоились, волк взял овечью шкуру и осторожно подкрался к дому.

У дверей он накрылся шкурой и тихо постучал.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф очень испугались, когда услышали стук.

— Кто там? — спросили они, и у них снова затряслись хвостики.

— Это я-я-я, бедная маленькая овечка! — тонким, чужим голосом пропищал волк. — Пустите меня переночевать, я отбилась от стада и очень устала!

— Пустить? — спросил брата добрый Ниф-Ниф.

— Овечку можно пустить! — согласился Нуф-Нуф. — Овечка — не волк!

Но когда поросята приоткрыли дверь, они увидели не овечку, а всё того же зубастого волка. Братья захлопнули дверь и изо всех сил налегли на неё, чтобы страшный зверь не смог к ним ворваться.

Волк очень рассердился. Ему не уда лось перехитрить поросят. Он сбросил с себя овечью шкуру и зарычал:

— Ну, погодите же! От этого дома сей час ничего не останется!

И он принялся дуть. Дом немного по косился. Волк дунул второй, потом третий, потом четвёртый раз.

С крыши слетали листья, стены дрожа ли, но дом всё ещё стоял.

И только когда волк дунул в пятый раз, дом зашатался и развалился. Одна только дверь некоторое время ещё стояла посреди развалин.

В ужасе бросились поросята бежать. От страха у них отнимались ноги, каждая щетинка дрожала, носы пересохли. Братья мчались к дому Наф-Нафа.

Волк нагонял их огромными скачками. Один раз он чуть не схватил Ниф-Нифа за заднюю ножку, но тот вовремя отдёргнул её и прибавил ходу.

Волк тоже поднажал. Он был уверен, что на этот раз поросята от него не убегут.

Но ему опять не повезло.

Поросята быстро промчались мимо большой яблони, даже не задев её. А волк не успел свернуть и налетел на яблоню, которая осыпала его яблоками. Одно твёрдое яблоко ударило ему между глаз. Большая шишка вскочила у волка на лбу.

А Ниф-Ниф и Нуф-Нуф ни живы ни мёртвы подбежали в это время к дому Наф-Нафа.

Брат впустил их в дом. Бедные поросята были так напуганы, что ничего не могли сказать. Они молча бросились под кровать и там притаились.

Наф-Наф сразу догадался, что за ними гнался волк. Но ему нечего было бояться в своём каменном доме. Он быстро за крыл дверь на засов, сел на табуреточку и громко запел:

Никакой на свете зверь,

Хитрый зверь, страшный зверь,

Не откроет эту дверь,

Эту дверь, эту дверь!

Но тут как раз постучали в дверь.

— Кто стучит? — спокойным голосом спросил Наф-Наф.

— Открывай без разговоров! — раздался грубый голос волка.

— Как бы не так! И не подумаю! — твёрдым голосом ответил Наф-Наф.

— Ах, так! Ну, держитесь! Теперь я съем всех троих!

— Попробуй! — ответил из-за двери Наф-Наф, даже не привстав со своей табуреточки.

Он знал, что ему и братьям нечего бояться в прочном каменном доме.

Тогда волк втянул в себя побольше воздуха и дунул как только мог! Но сколь ко бы он ни дул, ни один даже самый маленький камень не сдвинулся с места.

Волк посинел от натуги.

Дом стоял как крепость. Тогда волк стал трясти дверь. Но дверь тоже не поддавалась.

Волк стал от злости царапать когтями стены дома и грызть камни, из которых они были сложены, но он только обломал себе когти и испортил зубы. Голодному и злому волку ничего не оставалось делать, как убираться восвояси.

Но тут он поднял голову и вдруг за метил большую, широкую трубу на крыше.

— Ага! Вот через эту трубу я и про берусь в дом! — обрадовался волк.

Он осторожно влез на крышу и прислушался. В доме было тихо.

«Я всё-таки закушу сегодня свежей поросятинкой», — подумал волк и, облизнувшись, полез в трубу.

Но как только он стал спускаться по трубе, поросята услышали шорох. А когда на крышку котла стала сыпаться сажа, умный Наф-Наф сразу догадался, в чём дело.

Он быстро бросился к котлу, в котором на огне кипела вода, и сорвал с него крышку.

— Милости просим! — сказал Наф-Наф и подмигнул своим братьям.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф уже совсем успокоились и, счастливо улыбаясь, смотрели на своего умного и храброго брата.

Поросятам не пришлось долго ждать. Чёрный, как трубочист, волк бултыхнулся прямо в кипяток.

Никогда ещё ему не было так больно!

Глаза у него вылезли на лоб, вся шерсть поднялась дыбом.

С диким рёвом ошпаренный волк вы летел в трубу обратно на крышу, скатился по ней на землю, перекувырнулся четыре раза через голову, проехался на своём хвосте мимо запертой двери и бросился в лес.

А три брата, три маленьких поросёнка, глядели ему вслед и радовались, что они так ловко проучили злого разбойника.

А потом они запели свою весёлую песенку:

Хоть полсвета обойдёшь,

Обойдёшь, обойдёшь,

Лучше дома не найдёшь,

Не найдёшь, не найдёшь!

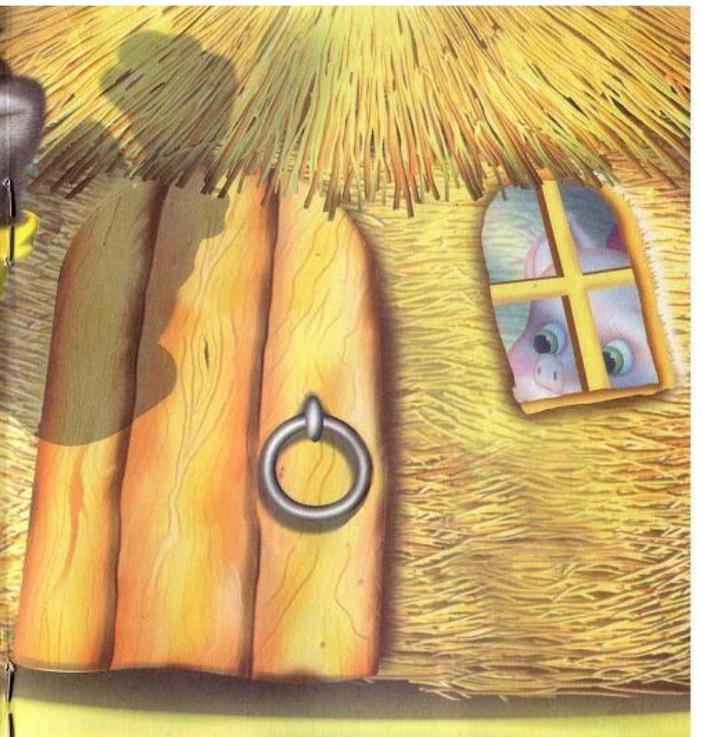
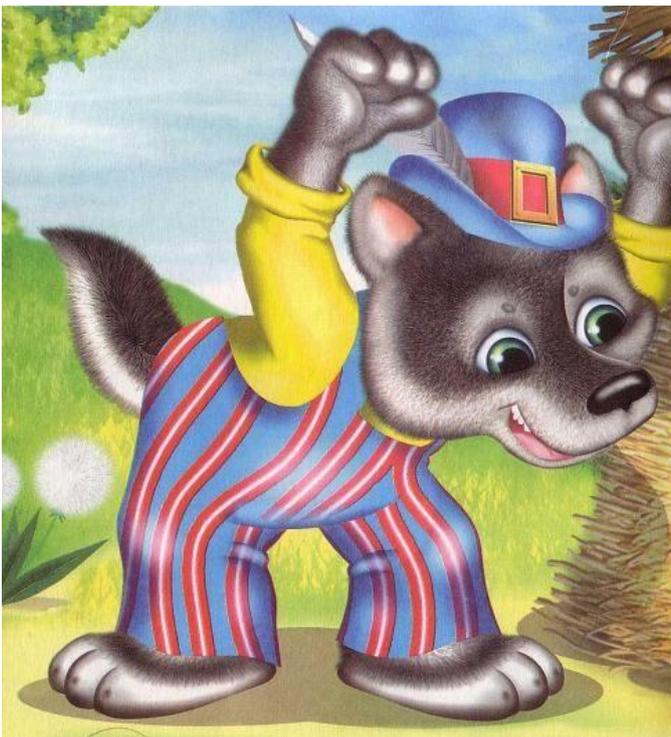
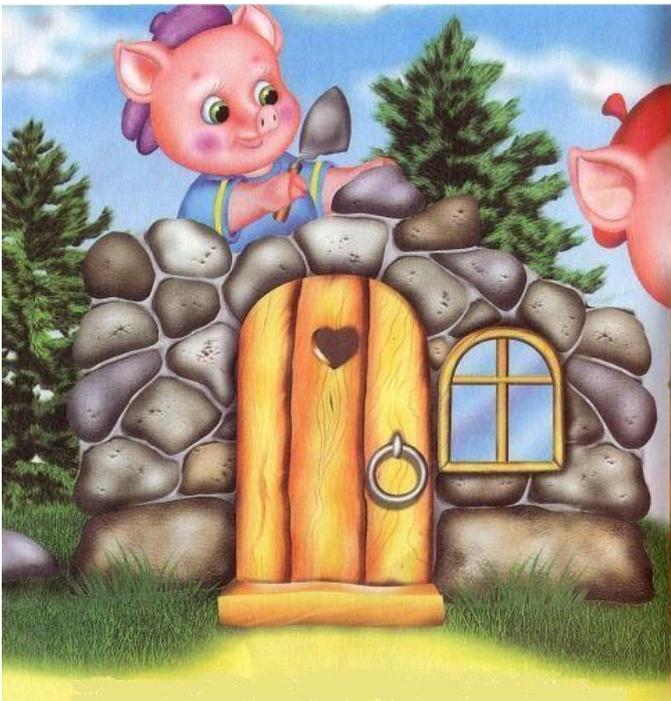
Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!

Волк из леса никогда,
Никогда, никогда
Не вернётся к нам сюда,
К нам сюда, к нам сюда!

С этих пор братья стали жить вместе, под одной крышей.

Вот и всё, что мы знаем про трёх маленьких поросят — Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и Наф-Нафа.

«Кот в сапогах». Ш. Перро (Перевод и пересказ Т. Габбе)

Было у мельника три сына, и оставил он им, умирая, всего только мельницу, осла и кота.

Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса и судьи, которые бы живо проглотили все их небогатое наследство. Старшему досталась мельница. Среднему — осел. Ну а уж младшему пришлось взять себе кота.

Бедняга долго не мог утешиться, получив такую жалкую долю наследства.

— Братья, — говорил он, — могут честно заработать себе на хлеб. А что станется со мною после того, как я съем своего кота и сделаю из его шкурки муфту? Прямо хоть помирай с голоду.

Кот слышал эти слова, но и виду не подал, а сказал спокойно и рассудительно:

— Не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок да закажите пару сапог, чтобы было легче бродить по лесу, и вы увидите, что вас не так уж обделили, как вам это сейчас кажется.

Хозяин кота и сам не знал, верить этому или нет, но он хорошо помнил, на какие хитрости пускался этот плут, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мертвым, то повиснув на задних лапах, то зарывшись чуть ли не с головой в муку. Кто его знает, а вдруг и в самом деле он чем-нибудь поможет в беде!

Едва только кот получил все, что ему было надобно, он живо обулся, молодецки притопнул, перекинул через плечо мешок и, придерживая его за шнурки передними лапами, зашагал в заповедный лес, где водилось множество кроликов. А в мешке у него были отруби и заячья капуста.

Растянувшись на траве и притворившись мертвым, он стал поджидать, когда какой-нибудь глупый кролик, еще не успевший испытать на собственной шкуре, как зол и коварен свет, заберется в мешок, чтобы полакомиться припасенным для него угощением.

Долго ждать ему не пришлось: какой-то молоденький доверчивый простачок-кролик сразу же прыгнул в мешок.

Недолго думая кот затянул шнурки и покончил с кроликом безо всякого милосердия.

После этого, гордый своей добычей, он отправился прямо во дворец и попросил приема у короля.

Его ввели в королевские покои.

Он отвесил его величеству почтительный поклон и сказал:

— Государь, вот кролик из лесов маркиза де Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок.

— Поблагодари своего господина, — ответил король, — и скажи ему, что он доставил мне большое удовольствие.

Несколько дней спустя кот пошел на поле и там, спрятавшись среди колосьев, опять открыл свой мешок.

На этот раз к нему в ловушку попались две куропатки. Он живо затянул шнурки и понес обеих к королю.

Король охотно принял и этот подарок и приказал наградить кота.

Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом.

И вот как-то раз кот узнал, что король вместе со своей дочкой, самой прекрасной принцессой на свете, собирается совершить прогулку в карете по берегу реки.

— Согласны вы послушаться моего совета? — спросил он своего хозяина. — В таком случае счастье у вас в руках. Все, что от вас требуется, — это пойти купаться на реку, туда, куда я вам укажу. Остальное предоставьте мне.

Маркиз де Карабас послушно исполнил все, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно.

В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки.

Кот со всех ног бросился к ней и закричал что было мочи:

— Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Король услышал этот крик, приоткрыл дверцу кареты и, узнав кота, который столько раз приносил ему в подарок дичь, сейчас же послал свою стражу выручать маркиза де Карабаса.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот успел рассказать королю, что у его господина во время купанья воры украли все до нитки. (А на самом деле хитрец собственными лапами припрятал хозяйское платье под большим камнем.)

Король немедленно приказал своим придворным доставить для маркиза де Карабаса один из лучших нарядов королевского гардероба.

Наряд оказался и в пору и к лицу, а так как маркиз и без того был малый хоть куда — красивый и статный, — то, приодевшись, он, конечно, стал еще лучше, и принцесса, поглядев на него, нашла, что он как раз в ее вкусе.

Когда же маркиз де Карабас бросил в сторону королевской дочки два-три взгляда, весьма почтительных, но в то же время очень нежных, она влюбилась в него без памяти.

Отцу ее молодой маркиз тоже пришелся по сердцу. Король был с ним очень ласков и даже пригласил сесть в карету и принять участие в прогулке.

Кот был в восторге от того, что все идет как по маслу, и весело побежал перед каретой. По пути он увидел крестьян, косивших на лугу сено.

— Эй, люди добрые, — крикнул он на бегу, — если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу де Карабасу, вас всех изрубят в куски, словно начинку для пирога! Так и знайте.

Тут как раз подъехала королевская карета, и король спросил, выглянув из окна:

— Чей это луг вы косите?

— Маркиза де Карабаса! — в один голос отвечали косцы, потому что кот до смерти напугал их своими угрозами.

— Однако, маркиз, у вас тут славное именье! — сказал король.

— Да, государь, этот луг каждый год дает отличное сено, — скромно ответил маркиз.

А между тем кот бежал все вперед и вперед, пока не увидел по дороге жнецов, работающих на поле.

— Эй, люди добрые, — крикнул он, — если вы не скажете королю, что все эти хлеба принадлежат маркизу де Карабасу, так и знайте: всех вас изрубят в куски, словно начинку для пирога!

Через минуту к жнецам подъехал король и захотел узнать, чьи поля они жнут.

— Поля маркиза де Карабаса, — был ответ.

И король опять порадовался за господина маркиза.

А кот все бежал и бежал впереди кареты и всем, кто попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: «Это дом маркиза де Карабаса», «это мельница маркиза де Карабаса», «это сад маркиза де Карабаса».

Король не мог надивиться богатствам молодого маркиза.

И вот наконец кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великан людоед. Никто на свете никогда не видел великана богаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении.

Кот заранее разузнал, что это был за великан, в чем его сила, и попросил допустить его к хозяину. Он, дескать, не может и не хочет пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

— Меня уверяли, — сказал кот, — что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться в льва или слона...

— Могу! — рявкнул великан. — И, чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом! Смотри!

Кот до того испугался, увидев перед собой льва, что в одно мгновение взобрался по водосточной трубе на крышу, хотя это было трудно и даже опасно, потому что в сапогах не так-то просто ходить по гладкой черепице.

Только когда великан опять принял свой прежний облик, кот спустился с крыши и признался хозяину, что едва не умер со страху.

— А еще меня уверяли, — сказал он, — но уж этому-то я никак не могу поверить, — что вы будто бы умеете превращаться даже в самых мелких животных. Ну, например, сделаться крысой или мышкой. Должен сказать по правде, что считаю это совершенно невозможным.

— Ах, вот как! Невозможным? — переспросил великан. — А ну-ка, погляди!

И в то же мгновение великан превратился в мышь. Мышка проворно забегала по полу, но кот — на то ведь он и кот! — погнался за ней, разом поймал и проглотил.

Тем временем король, проезжая мимо, заметил прекрасный замок и пожелал войти туда.

Кот услышал, как гремят на подъемном мосту колеса королевской кареты, и, выбежав навстречу, сказал королю:

— Добро пожаловать в замок маркиза де Карабаса, ваше величество! Милости просим!

— Как, господин маркиз?! — воскликнул король. — Этот замок тоже ваш? Нельзя себе представить ничего красивее, чем этот двор и постройки вокруг. Да это прямо дворец! Давайте же посмотрим, каков он внутри, если вы не возражаете.

Маркиз подал руку прекрасной принцессе и повел ее вслед за королем, который, как полагается, шел впереди. Все втроем они вошли в большую залу, где был приготовлен великолепный ужин. Как раз в этот день людоед пригласил к себе друзей, но они не посмели явиться, узнав, что в замке гостит король.

Король был очарован достоинствами господина де Карабаса почти так же, как его дочка. А та была от маркиза просто без ума.

Кроме того, его величество не мог, конечно, не оценить прекрасных владений маркиза и, осушив пять-шесть кубков, сказал:

— Если хотите стать моим зятем, господин маркиз, это зависит только от вас. А я — согласен.

Маркиз почтительным поклоном поблагодарил короля за честь, оказанную ему, и в тот же день женился на принцессе.

А кот стал знатным вельможей и с тех пор охотился на мышей только изредка — для собственного удовольствия.

«Кукушка» (ненецк., обр. К. Шаврова)

Жила на земле бедная женщина. Было у неё четверо детей. Не слушались дети матери. Бегали, играли на снегу с утра до вечера.

Вернутся к себе в чум — целые сугробы снега на пимах наташат, а мать — убирай.

Одежду промочат, а мать — суши.

Трудно было матери.

Вот один раз летом ловила мать рыбу в реке. Тяжело ей было, а дети ей не помогали. От жизни такой, от работы тяжёлой заболела мать. Лежит она в чуме, детей зовёт, просит:

— Детки, воды мне дайте. Пересохло у меня горло. Принесите мне водички.

Не один, не два раза просила мать. Не идут дети за водой.

Старший говорит:

— Я без пимов.

Другой говорит:

— Я без шапки.

Третий говорит:

— Я без одёжи.

А четвёртый и совсем не отвечает.

Сказала тогда мать:

— Близко от нас река, и без одёжи можно за водой сходить. Пересохло у меня во рту. Пить хочу!

Засмеялись дети, из чума выбежали. Долго играли, в чум к матери не заглядывали.

Наконец захотелось старшему есть — заглянул в чум.

Смотрит, а мать посреди чума стоит. Стоит и малицу надевает. (Малица— верхняя одежда ненцев: её шьют из оленьих шкур)

И вдруг малица перьями покрылась.

Берёт мать доску, на которой шкуры скоблят, и доска та хвостом птичьим становится. Напёрсток железный клювом стал. Вместо рук крылья выросли.

Обернулась мать птицей и вылетела из чума.

Закричал старший сын:

— Братья, смотрите, смотрите, улетает мать птицей!

Тут побежали дети за матерью, кричат ей:

— Мама, мы тебе водички принесли!

Отвечает им мать:

— Ку-ку! Ку-ку! Поздно, поздно. Теперь озёрные воды передо мной. К вольным водам лечу я.

Бегут дети за матерью, зовут её, ковшик с водой ей протягивают.

Меньшой сынок кричит:

— Мама, мама! Вернись домой! Водички на! Попей, мама!

Отвечает мать издали:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку! Поздно, сынок, не вернусь я.

Так бежали за матерью дети много дней и ночей — по камням, по болотам, по кочкам.

Ноги себе в кровь изранили. Где пробегут, там красный след останется.

Не вернулась мать-кукушка.

И с тех пор не вьёт себе кукушка гнезда, не растит сама своих детей.

А по тундре с той поры красный мох стелется.

Иллюстратор Рачёв Е.

Произведения поэтов и писателей России

Поэзия

И. Токмакова «Дуб»
Дуб дождя и ветра
Вовсе не боится.
Кто сказал, что дубу
Страшно простудиться?
Ведь до поздней осени
Он стоит зелёный.
Значит, дуб выносливый,
Значит, закалённый.

А. Блок «Зайчик»
Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...
Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На желтые листочки.
Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли,
Нечего украсть.
Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...
Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится —
Неба не видать...
Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать!

1906

К. Чуковский «Мойдодыр»

Одеяло
Убежало,
Улетела простыня,
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

Я за свечку,
Свечка — в печку!
Я за книжку,
Та — бежать
И вприпрыжку
Под кровать!

Я хочу напиться чаю,
К самовару подбегаю,
Но пузатый от меня
Убежал, как от огня.

Что такое?
Что случилось?
Отчего же
Всё кругом
Завертелось,
Закружилось
И помчалось колесом?

Утюги за сапогами,
Сапоги за пирогами,
Пироги за утюгами,
Кочерга за кушаком —
Всё вертится,
И кружится,
И несётся кувырком.

Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой:

«Ах ты, гадкий, ах ты, грязный,
Неумытый поросёнок!
Ты чернее трубочиста,
Полюбуйся на себя:

У тебя на шее вакса,
У тебя под носом клякса,
У тебя такие руки,
Что сбежали даже брюки,
Даже брюки, даже брюки
Убежали от тебя.

Рано утром на рассвете
Умываются мышата,
И котята, и утята,
И жучки, и паучки.

Ты один не умывался
И грязнулею остался,
И сбежали от грязнули
И чулки и башмаки.

Я — Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир!

Если топну я ногою,
Позову моих солдат,
В эту комнату толпою
Умывальники влетят,
И залают, и завоюют,
И ногами застучат,
И тебе головомойку,
Неумытому, дадут —
Прямо в Мойку,
Прямо в Мойку
С головою окунут!»

Он ударил в медный таз
И вскричал: «Кара-барас!»

И сейчас же щетки, щетки
Затрещали, как трещотки,
И давай меня тереть,
Приговаривать:

«Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист
Чист, чист, чист, чист!»

Тут и мыло подскочило
И вцепилось в волоса,

И юлило, и мылило,
И кусало, как оса.

А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Садовой, по Сенной.

Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица.

Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошей и Кокошей
По аллее проходил

И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил.

А потом как зарычит
На меня,
Как ногами застучит
На меня:
«Уходи-ка ты домой,
Говорит,
Да лицо своё умой,
Говорит,
А не то как налечу,
Говорит,
Растопчу и проглочу!»
Говорит.

Как пустился я по улице
бежать,
Прибежал я к умывальнику
опять.

Мылом, мылом
Мылом, мылом
Умывался без конца,
Смыл и ваксу
И чернила
С неумытого лица.

И сейчас же брюки, брюки
Так и прыгнули мне в руки.

А за ними пирожок:
«Ну-ка, съешь меня, дружок!»

А за ним и бутерброд:
Подскочил — и прямо в рот!

Вот и книжка воротилась,
Воротилась тетрадь,
И грамматика пустилась
С арифметикой плясать.

Тут Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир,
Подбежал ко мне, танцуя,
И, целуя, говорил:

«Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я!
Наконец-то ты, грязнуля,
Мойдодыру угодил!»

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,

А нечистым
Трубочистам —
Стыд и срам!
Стыд и срам!

Да здравствует мыло душистое,
И полотенце пушистое,
И зубной порошок,
И густой гребешок!

Давайте же мыться, плескаться,
Купаться, нырять, кувыркаться
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане, —

И в ванне, и в бане,
Всегда и везде —
Вечная слава воде!

С. Маршак «Вот какой рассеянный»

Жил человек рассеянный

На улице Бассейной.

Сел он утром на кровать,

Стал рубашку надевать,

В рукава просунул руки —

Оказалось, это брюки.

Вот какой рассеянный

С улицы Бассейной!

Надевать он стал пальто —

Говорят ему: не то.

Стал натягивать гамаши —

Говорят ему: не ваши.

Вот какой рассеянный

С улицы Бассейной!

Вместо шапки на ходу

Он надел сковороду.

Вместо валенок перчатки

Натянул себе на пятки.

Вот какой рассеянный

С улицы Бассейной!

Однажды на трамвае

Он ехал на вокзал

И, двери открывая,

Вожатому сказал:

— Глубокоуважаемый

Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить?
Вожатый удивился —
Трамвай остановился.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.
А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внес узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...
— Это что за полустанок? —
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.
Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,

Увидал большой вокзал,

Удивился и сказал:

— Это что за остановка —

Бологое или Поповка? —

А с платформы говорят:

— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко

И опять взглянул в окошко,

Увидал большой вокзал,

Потянулся и сказал:

— Что за станция такая —

Дибуньки или Ямская? —

А с платформы говорят:

— Это город Ленинград.

Закричал он: — Что за шутки!

Еду я вторые сутки,

А приехал я назад,

А приехал в Ленинград!

Вот какой рассеянный

С улицы Бассейной!

Сергей Есенин «Берёза»

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

1913 г.

Александр Сергеевич Пушкин «У лукоморья» (из поэмы «Руслан и Людмила»)

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;

Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой

Идет, бредет сама собой;
Там царь Кашей над золотом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Иван Бунин «Первый снег»
Зимним холодом пахнуло
На поля и на леса.
Ярким пурпуром зажглися
Пред закатом небеса.
Ночью буря бушевала,
А с рассветом на село,
На пруды, на сад пустынный
Первым снегом понесло.
И сегодня над широкой
Белой скатертью полей
Мы простились с запоздалой
Вереницею гусей.
(1891)

Проза

Л. Толстой «Хотела галка пить»

Хотела Галка пить. На дворе стоял кувшин с водой, а в кувшине была вода только на дне.

Галке нельзя было достать.

Она стала кидать в кувшин камушки и столько набросала, что вода стала выше и можно было пить.

В. Сутеев «Палочка-выручалочка»

Шёл Ёжик домой. По дороге нагнал его Заяц, и пошли они вместе. Вдвоём дорога вдвое короче. До дома далеко — идут, разговаривают. А поперёк дороги палка лежала. За разговором Заяц её не заметил — споткнулся, чуть было не упал.

— Ах, ты!.. — рассердился Заяц. Наподдал палку ногой, и она далеко в сторону отлетела.

А Ёжик поднял палку, закинул её себе на плечо и побежал догонять Зайца.

Увидел Заяц у Ежа палку, удивился:

— Зачем тебе палка? Что в ней толку?

— Эта палка не простая, — объяснил Ёжик. — Это палочка-выручалочка.

Заяц в ответ только фыркнул. Пошли они дальше и дошли до ручья.

Заяц одним прыжком перескочил через ручей и крикнул уже с другого берега:
— Эй, Колючая Голова, бросай свою палку, тебе с нею сюда не перебраться!

Ничего не ответил Ёжик, отступил немного назад, разбежался, воткнул на бегу палку в середину ручья, одним махом перелетел на другой берег и стал рядом с Зайцем как ни в чём не бывало.

Заяц от удивления даже рот разинул:

— Здорово ты, оказывается, прыгаешь!

— Я прыгать совсем не умею, — сказал Ёжик, — это палочка-выручалочка — через всё-скакалочка мне помогла.

Пошли дальше. Прошли немного и вышли к болоту.

Заяц с кочки на кочку прыгает. Ёжик позади идёт, перед собой палкой дорогу проверяет.

— Эй, Колючая Голова, что ты там плетёшься еле-еле? Наверно, твоя палка...

Не успел Заяц договорить, как сорвался с кочки и провалился в трясины по самые уши. Вот-вот захлебнётся и утонет.

Перебрался Ёжик на кочку, поближе к Зайцу, и кричит:

— Хватайся за палку! Да покрепче!

Ухватился Заяц за палку. Ёжик изо всех сил дёрнул и вытянул своего друга из болота.

Когда выбрались на сухое место, Заяц говорит Ежу:

— Спасибо тебе, Ёжик, спас ты меня.

— Что ты! Это палочка-выручалочка — из беды-вытягалочка.

Пошли дальше и у самой опушки большого тёмного леса увидели на земле птенчика. Он выпал из гнезда и жалобно пищал, а родители кружились над ним, не зная, что делать.

— Помогите, помогите! — чирикали они.

Гнездо высоко — никак не достанешь. Ни Ёж, ни Заяц по деревьям лазить не умеют. А помочь надо

Думал Ёжик, думал и придумал.

— Становись лицом к дереву! — скомандовал он Зайцу.

Заяц стал лицом к дереву. Ёжик посадил птенца на кончик своей палки, залез с ней Зайцу на плечи, поднял как мог палку и достал почти до самого гнезда. Птенчик ещё раз пискнул и прыгнул прямо в гнездо.

Вот обрадовались его папа и мама! Вьются вокруг Зайца и Ежа, чирикают:

— Спасибо, спасибо, спасибо!

А Заяц говорит Ежу:

— Молодец, Ёжик! Хорошо придумал!

— Что ты! Это всё палочка-выручалочка — наверх-поднималочка!

Вошли в лес. Чем дальше идут, тем лес гуще, тем нее. Страшно Зайцу. А Ёжик виду не подаёт: идёт впереди, палкой ветки раздвигает.

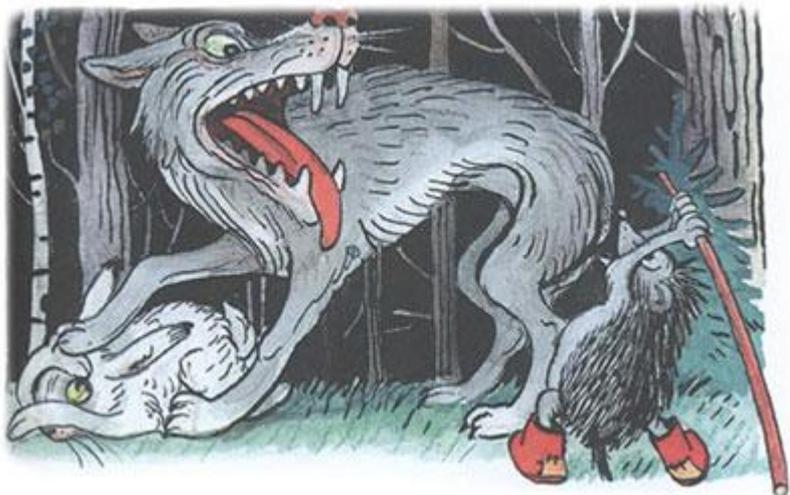
И вдруг из-за дерева прямо на них огромный Волк выскочил, загородил дорогу, зарычал:

— Стой!

Остановились Заяц с Ежом. Волк облизнулся, лязгнул зубами и сказал:

— Тебя, Ёж, я не трону, ты колючий, а вот тебя, Косой, целиком съем, с хвостом и ушами!

Задрожал Зайчик от страха, побелел весь, как в зимнюю пору, бежать не может: ноги к земле приросли. Закрыв глаза — сейчас его Волк съест.

Только Ёжик не растерялся: размахнулся своей палкой и что есть силы огрел Волка по спине.

Взвыл Волк от боли, подпрыгнул — и бежать...

Так и убежал, ни разу не обернувшись.

— Спасибо тебе, Ёжик, ты меня теперь и от Волка спас!

— Это палочка-выручалочка — по врагу-ударялочка, — ответил Ёжик.

Пошли дальше. Прошли лес и вышли на дорогу. А дорога тяжёлая, в гору идёт. Ёжик впереди топает, на палочку опирается, а бедный Заяц отстал, чуть не падает от усталости. До дома совсем близко, а Заяц дальше идти не может.

— Ничего, — сказал Ёжик, — держись за мою палочку.

Ухватился Заяц за палку, и потащил его Ёжик в гору. И показалось Зайцу, будто идти легче стало.

— Смотри-ка, — говорит он Ежу, — твоя палочка-выручалочка и на этот раз мне помогла.

Так и привёл Ёжик Зайца к нему домой, а там давно его поджидала Зайчиха с зайчатами. Радуются встрече, а Заяц и говорит Ежу:

— Кабы не эта твоя волшебная палочка-выручалочка, не видать бы мне родного дома.

Усмехнулся Ёжик и говорит:

— Бери от меня в подарок эту палочку, может быть, она тебе ещё пригодится.

Заяц даже опешил:

— А как же сам ты без такой волшебной палочки-выручалочки останешься?

— Ничего, — ответил Ёжик, — палку всегда найти можно, а вот выручалочку, — он постучал себе по лбу, — а выручалочка-то вот она где!

Тут всё понял Заяц.

— Верно ты сказал: важна не палка, а умная голова да доброе сердце!

В. Катаев «Цветик-семицветик»

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика.

Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идет, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А сзади тем временем сзади пристала незнакомая собака, да все баранки одну за другой и съела. Сначала съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур легкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликову бараночку доедает, и счастливо облизывается.

- Ах, вредная собака! - закричала Женя и бросилась ее догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит – место совсем незнакомое, больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала.

Вдруг откуда ни возьмись - старушка.

- Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке все и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела ее в свой садик и говорит:

- Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растет у меня в садике один цветок, называется - цветик-семицветик, он все может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он все устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: желтый, красный, зеленый, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

- Этот цветик, - сказала старушка, - не простой. Он может исполнить все, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток, Через запад на восток, Через север, через юг, Возвращайся, сделав круг. Лишь коснешься ты земли - Быть по-моему вели. Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тотчас делается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила ее до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало.

Что делать? Женя уже собиралась по своему обыкновению заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

- А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала желтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток, Через запад на восток, Через север, через юг, Возвращайся, сделав круг. Лишь коснешься ты земли -Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках - связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: "Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!"

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон - семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и - бац! - раскололась на мелкие кусочки.

- Ты опять что-то разбила! - закричала мама из кухни. – Не мою ли самую любимую вазочку? Тяпа-растяпа!

- Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! - закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

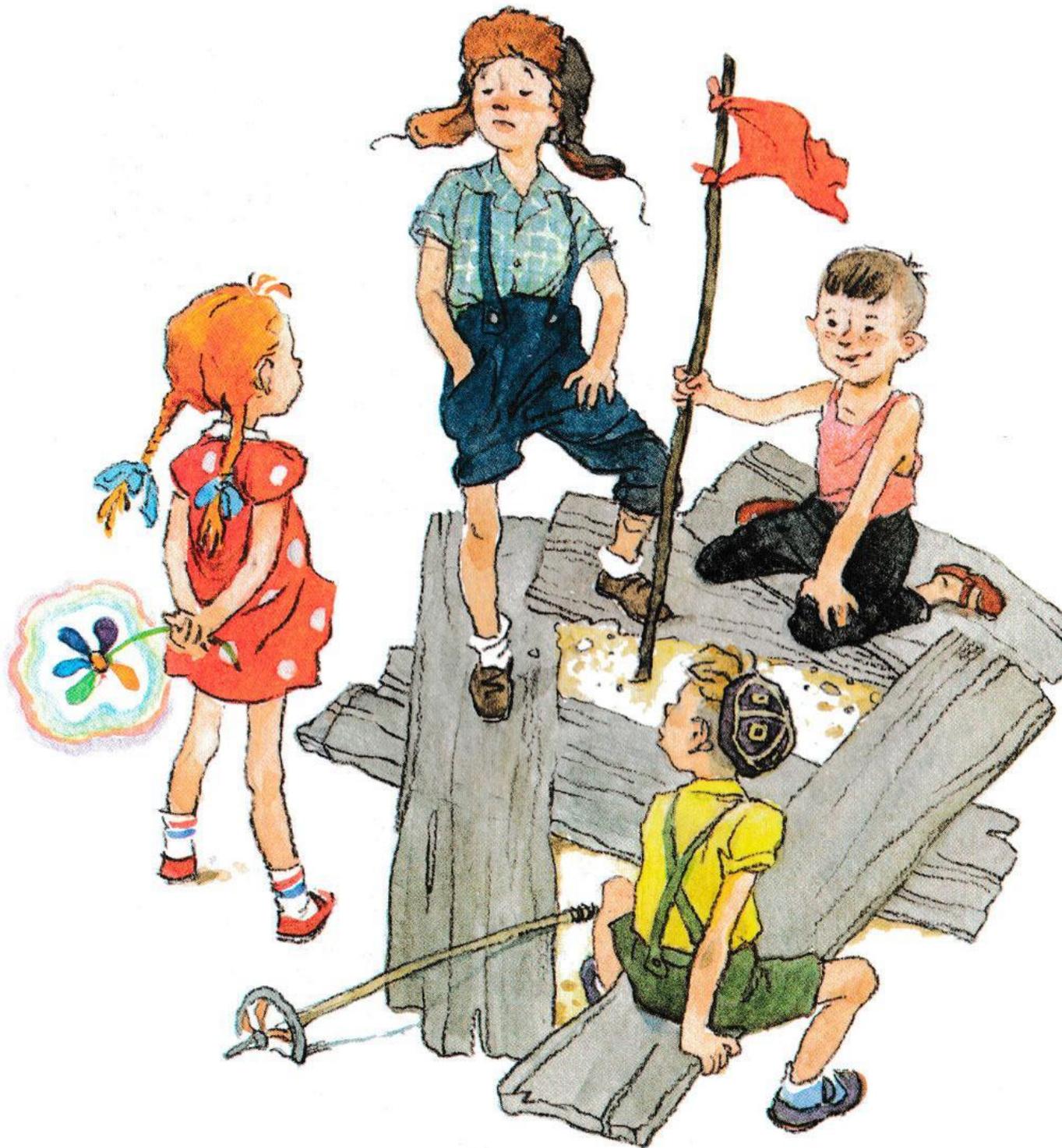
Лети, лети, лепесток, Через запад на восток, Через север, через юг, Возвращайся, сделав круг. Лишь коснешься ты земли -Быть по-моему вели.

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собой поползли друг к другу и стали срастаться. Мама прибежала из кухни - глядь, а ее любимая вазочка как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала ее гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

- Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!

- Чего захотела! Не видишь - это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.

- Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

- Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

- Значит, не принимаете?

- Не принимаем. Уходи!

- И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам - кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли –

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я сейчас же была на Северном полюсе! Не успела она это сказать, как вдруг откуда ни возьмись налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок. Женя, как была в летнем платьице с голыми ногами, одна-одинешенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

- Ай, мамочка, замерзаю! - закричала Женя и стала плакать, но слезы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе. А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямехонько к девочке, один другого страшней: первый - нервный, второй - злой, третий – в берете, четвертый - потерянный, пятый - помятый, шестой - рябой, седьмой – самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зеленый лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли –

Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе! И в тот же миг она очутилась опять во дворе.

А мальчики на нее смотрят и смеются:

- Ну и где же твой Северный полюс?

- Я там была.

- Мы не видели. Докажи!

- Смотрите - у меня еще висит сосулька.

- Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит - у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколесный велосипед, а у одной - большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках.

Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали желтые, как у козы.

"Ну, - думает, - я вам сейчас покажу, у кого игрушки!"

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли –

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои! И в тот же миг откуда ни возьмись со всех сторон повалили к Жене игрушки. Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: "папа-мама", "папа-мама". Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу.

Вокруг, представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов еще не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало.

За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать еще громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолетов, дирижаблей, планеров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях.

Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

- Довольно, довольно! - в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову.

-Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки все валяли и валяли... Уже весь город был завален до самых крыш игрушками. Женя по лестнице - игрушки за ней. Женя на балкон - игрушки за ней. Женя на чердак - игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли –

Быть по-моему вели.

Вели, чтоб игрушки поскорей убирались обратно в магазины.

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

- Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила - и никакого удовольствия. Ну, ничего. Вперед буду умнее. Пошла она на улицу, идет и думает:

"Чего бы мне еще все-таки везть? Велю- ка я себе, пожалуй, два кило "мишек". Нет, лучше два кило "прозрачных". Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило "мишек", полкило "прозрачных", сто граммов халвы, сто граммов орехов и еще, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика.

- Как жалко! - сказала Женя. - Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

- Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

- Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! - воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. - Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли –

Быть по-моему вели.

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

Николай Носов «Огурцы».

Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы

Котьке.

Котька пришел домой радостный:

- Мама, я тебе огурцов принес!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках еще два больших огурца.

- Где ты их взял? - говорит мама.

- На огороде.

- На каком огороде?

- Там, у реки, на колхозном.

- Кто ж тебе позволил?

- Никто, я сам нарвал.

- Значит, украл?

- Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

- Постой, постой! Не выгружай! - говорит мама,

- Почему?

- Сейчас же неси их обратно!

- Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Все равно они теперь уже расти не будут.

- Ничего, отнесешь и положишь на той же грядке, где сорвал.

- Ну, я их выброшу.

- Нет, не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котька стал плакать:

- Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

- Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

- Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

- Ну как тебе не стыдно! - говорит мама. - Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котьеке в карман. Котьека плакал и кричал:

- Не пойду я! У дедушки ружье. Он выстрелит и убьет меня.

- И пусть убьет! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

- Ну, пойдем со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

- А брат не боялся?

Мама дала Котьеке в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь.

- Или носи огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котьека повернулся и медленно-медленно пошел по улице.

Уже было совсем темно

"Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнес, - решил Котьека и стал оглядываться вокруг. - Нет, отнесу: еще кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадет".

Он шел по улице и плакал. Ему было страшно.

"Павлику хорошо! - думал Котьека. - Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно".

Вышел Котьека из деревни и пошел полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет все громче и громче.

Сторож услышал и подошел к нему.

- Ты чего плачешь? - спрашивает.

- Дедушка, я принес огурцы обратно.

- Какие огурцы?

- А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнес обратно.

- Вот оно какое дело! - удивился сторож. - Это, значит, я вам свистел, а вы все-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

- Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

- А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котьека вытащил огурцы и положил их на грядку.

- Ну, все, что ли? - спросил старик.

- Нет... одного не хватает, - ответил Котьека и снова заплакал.

- Почему не хватает, где же он?

- Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

- Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

- А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?

- Ишь ты какое дело! - усмехнулся дедушка. - Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принес остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

- Дедушка, дедушка!

- Ну что еще?

- А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться - украл я его или нет?

- Гм! - сказал дед. - Вот еще какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

- А как же?

Ну, считай, что я тебе подарил его.

- Спасибо, дедушка! Я пойду.

- Иди, иди, сынок.

Котька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошел по деревне домой. На душе у него было радостно.

Николай Носов «Мишкина каша»

Один раз, когда я жил с мамой на даче, ко мне в гости приехал Мишка. Я так обрадовался, что и сказать нельзя! Я очень по Мишке соскучился. Мама тоже была рада его приезду.

— Это очень хорошо, что ты приехал, — сказала она. — Вам вдвоём здесь веселей будет. Мне, кстати, завтра надо в город поехать. Я, может быть, задержусь. Проживёте тут без меня два дня?

— Конечно, проживём, — говорю я. — Мы не маленькие!

— Только вам тут придётся самим обед готовить. Сумеете?

— Сумеем, — говорит Мишка. — Чего там не суметь!

— Ну, сварите суп и кашу. Кашу ведь просто варить.

— Сварим и кашу. Чего там её варить! — говорит Мишка. Я говорю:

— Ты смотри, Мишка, а вдруг не сумеем! Ты ведь не варила раньше.

— Не беспокойся! Я видел, как мама варит. Сыт будешь, не помрёшь с голоду. Я такую кашу сварю, что пальцы оближешь!

Наутро мама оставила нам хлеба на два дня, варенья, чтобы мы чай пили, показала, где какие продукты лежат, объяснила, как варить суп и кашу, сколько крупы положить, сколько чего. Мы всё слушали, только я ничего не запомнил. «Зачем, — думаю, — раз Мишка знает».

Потом мама уехала, а мы с Мишкой решили пойти на реку рыбу ловить. Наладили удочки, накопили червей.

— Постой, — говорю я. — А обед кто будет варить, если мы на реку уйдём?

— Чего там варить! — говорит Мишка. — Одна возня! Съедем весь хлеб, а на ужин сварим кашу. Кашу можно без хлеба есть.

Нарезали мы хлеба, намазали его вареньем и пошли на реку. Сначала выкупались, потом разлеглись на песке. Греемся на солнышке и хлеб с вареньем жуём. Потом стали рыбу ловить. Только рыба плохо клевала: поймали всего с десятков пескариков. Целый день мы на реке проболтались. К вечеру вернулись домой. Голодные!

— Ну, Мишка, — говорю, — ты специалист. Что варить будем? Только такое, чтоб побыстрей. Есть очень хочется.

— Давай кашу, — говорит Мишка. — Кашу проще всего.

— Ну что ж, кашу так кашу.

Растопили плитку. Мишка насыпал в кастрюлю крупы. Я говорю:

— Сыпь побольше. Есть очень хочется!

Он насыпал полную кастрюлю и воды налил доверху.

— Не много ли воды? — спрашиваю. — Размазня получится.

— Ничего, мама всегда так делает. Ты только за печкой смотри, а я уж сварю, будь спокоен.

Ну, я за печкой смотрю, дрова подкладываю, а Мишка кашу варит, то есть не варит, а сидит да на кастрюлю смотрит, она сама варится.

Скоро стемнело, мы зажгли лампу. Сидим и ждём, когда каша сварится. Вдруг смотрю: крышка на кастрюле приподнялась, и из-под неё каша лезет.

— Мишка, — говорю, — что это? Почему каша лезет?

— Куда?

— Шут её знает куда! Из кастрюли лезет!

Мишка схватил ложку и стал кашу обратно в кастрюлю впихивать. Мял её, мял, а она будто пухнет в кастрюле, так и вываливается наружу

— Не знаю, — говорит Мишка, — с чего это она вылезать вздумала. Может быть, готова уже?

Я взял ложку, попробовал: крупа совсем твёрдая.

— Мишка, — говорю, — куда же вода девалась? Совсем сухая крупа!

— Не знаю, — говорит. — Я много воды налил. Может быть, дырка в кастрюле?

Стали мы кастрюлю осматривать: никакой дырки нет.

— Наверно, испарилась, — говорит Мишка. — Надо ещё подлить.

Он переложил лишнюю крупу из кастрюли в тарелку и подлил в кастрюлю воды. Стали варить дальше. Варили, варили — смотрим, опять каша наружу лезет.

— Ах, чтоб тебя! — говорит Мишка. — Куда же ты лезешь?

Схватил ложку, опять стал лишнюю крупу откладывать. Отложил и снова бух туда кружку воды.

— Вот видишь, — говорит, — ты думал, что воды много, а её ещё подливать приходится.

Варим дальше. Что за комедия! Опять вылезает каша. Я говорю:

— Ты, наверно, много крупы положил. Она разбухает, и ей тесно в кастрюле становится.

— Да, — говорит Мишка, — кажется, я немного много крупы переложил. Это всё ты виноват: «Клади, говорит, побольше. Есть хочется!»

— А откуда я знаю, сколько надо класть? Ты ведь говорил, что умеешь варить.

— Ну и сварю, не мешай только.

— Пожалуйста, не буду тебе мешать. Отошёл я в сторонку, а Мишка варит, то есть не варит, а только и делает, что лишнюю крупу в тарелки перекладывает. Весь стол уставил тарелками, как в ресторане, и все время воды подливает.

Я не вытерпел и говорю:

— Ты что-то не так делаешь. Так ведь до утра можно варить!

— А что ты думаешь, в хорошем ресторане всегда обед с вечера варят, чтоб наутро поспел.

— Так то, — говорю, — в ресторане! Им спешить некуда, у них еды много всякой.

— А нам-то куда спешить?

— Нам надо поесть да спать ложиться. Смотри, скоро двенадцать часов.

— Успеешь, — говорит, — выспаться.

И снова бух в кастрюлю воды. Тут я понял, в чём дело.

— Ты, — говорю, — всё время холодную воду льёшь, как же она может свариться.

— А как, по-твоему, без воды, что ли, варить?

— Выложить, — говорю, — половину крупы и налить воды сразу побольше, и пусть себе варится.

Взял я у него кастрюлю, вытряхнул из неё половину крупы.

— Наливай, — говорю, — теперь воды доверху. Мишка взял кружку, полез в ведро.

— Нету, — говорит, — воды. Вся вышла.

— Что же мы делать будем? Как за водой идти, темнота какая! — говорю. — И колодца не увидишь.

— Чепуха! Сейчас принесу

Он взял спички, привязал к ведру верёвку и пошёл к колодцу. Через минуту возвращается.

— А вода где? — спрашиваю.

— Вода... там, в колодце.

— Сам знаю, что в колодце. Где ведро с водой?

— И ведро, — говорит, — в колодце.

— Как — в колодце?

— Так, в колодце.

— Упустил?

— Упустил.

— Ах ты, — говорю, — размазня! Ты что ж, нас уморить голодом хочешь? Чем теперь воды достать?

— Чайником можно.

Я взял чайник и говорю:

— Давай верёвку.

— А её нет, верёвки.

— Где же она?

— Там.

— Где — там?

— Ну... в колодце.

— Так ты, значит, с верёвкой ведро упустил?

— Ну да.

Стали мы другую верёвку искать. Нет нигде.

— Ничего, — говорит Мишка, — сейчас пойду попрошу у соседей.

— С ума, — говорю, — сошёл! Ты посмотри на часы: соседи спят давно.

Тут, как нарочно, обоим нам пить захотелось; кажется, сто рублей за кружку воды отдал бы! Мишка говорит:

— Это всегда так бывает: когда нет воды, так ещё больше пить хочется. Поэтому в пустыне всегда пить хочется, потому что там нет воды.

Я говорю;

— Ты не рассуждай, а ищи верёвку.

— Где же её искать? Я везде смотрел. Давай леску от удочки привяжем к чайнику.

— А леска выдержит?

— Может быть, выдержит.

— А если не выдержит?

— Ну, если не выдержит, то... оборвётся...

— Это и без тебя известно.

Размотали мы удочку, привязали к чайнику леску и пошли к колодцу. Я опустил чайник в колодец и набрал воды. Леска натянулась, как струна, вот-вот лопнет.

— Не выдержит! — говорю. — Я чувствую.

— Может быть, если поднимать осторожно, то выдержит, — говорит Мишка.

Стал я поднимать потихоньку. Только приподнял над водой, плюх — и нет чайника.

— Не выдержала? — спрашивает Мишка.

— Конечно, не выдержала. Чем теперь доставать воду?

— Самоваром, — говорит Мишка.

— Нет, уж лучше самовар просто бросить в колодец, по крайней мере возиться не надо. Верёвки-то нет.

— Ну, кастрюлей.

— Что у нас, — говорю, — по-твоему, кастрюльный магазин?

— Тогда стаканом.

— Это сколько придётся возиться, пока стаканом воды наносишь!

— Что же делать? Надо ведь кашу доваривать. И пить до зарезу хочется.

— Давай, — говорю, — кружкой. Кружка всё-таки больше стакана.

Пришли домой, привязали леску к кружке так, чтоб она не переворачивалась. Вернулись к колодцу. Вытащили по кружке воды, напились. Мишка говорит:

— Это всегда так бывает. Когда пить хочется, так кажется, что целое море выпьешь, а когда станешь пить, так одну кружку выпьешь и больше уже не хочется, потому что люди от природы жадные...

Я говорю:

— Нечего тут на людей наговаривать! Тащи лучше кастрюлю с кашей сюда, мы прямо в неё воды натаскаем, чтоб не бегать двадцать раз с кружкой.

Мишка принёс кастрюлю и поставил на край колодца. Я её не заметил, зацепил локтем и чуть не столкнул в колодец.

— Ах ты, растяпа! — говорю. — Зачем мне кастрюлю под локоть сунул? Возьми её в руки и держи крепче. И отойди от колодца подальше, а не то и каша полетит в колодец.

Мишка взял кастрюлю и отошёл от колодца. Я натаскал воды.

Пришли мы домой. Каша у нас остыла, печь погасла. Растопили мы снова печь и опять принялись кашу варить. Наконец она у нас закипела, сделалась густая и стала пыхтеть: «Пых, пых!»

— О! — говорит Мишка. — Хорошая каша получилась, знатная!

Я взял ложку, попробовал:

— Тьфу! Что это за каша! Горькая, несолёная и воняет гарью.

Мишка тоже хотел попробовать, но тут же выплюнул.

— Нет, — говорит, — умирать буду, а такую кашу не стану есть!

— Такой каши наешься, и умереть можно! — говорю я.

— Что ж делать?

— Не знаю.

— Чудаки мы! — говорит Мишка. — У нас же пескари есть!

Я говорю:

— Некогда теперь уже с пескарями возиться! Скоро светать начнёт.

— Так мы их варить не будем, а зажарим. Это ведь быстро — раз, и готово.

— Ну давай, — говорю, — если быстро. А если будет, как каша, то лучше не надо.

— В один момент, вот увидишь.

Мишка почистил пескарей и положил на сковородку. Сковородка нагрелась, пескари и прилипли к ней. Мишка стал отдирать пескарей от сковородки ножом, все бока ободрал им.

— Умник! — говорю. — Кто же рыбу без масла жарит!

Мишка взял бутылку с подсолнечным маслом. Налил масла на сковородку и сунул в печь прямо на горячие угли, чтоб поскорее зажарились. Масло зашипело, затрещало и вдруг вспыхнуло на сковородке пламенем. Мишка вытащил сковородку из печки — масло на ней пылает. Я хотел водой залить, а воды у нас во всём доме ни капли нет. Так оно и горело, пока всё масло не выгорело. В комнате дым и смрад, а от пескарей одни угольки остались.

— Ну, — говорит Мишка, — что теперь жарить будем?

— Нет, — говорю я, — больше я тебе ничего жарить не дам. Мало того, что ты продукты испортишь, так ты ещё пожар устроишь. Из-за тебя весь дом сгорит. Довольно!

— Что же делать? Есть-то ведь хочется! Попробовали мы сырую крупу жевать — противно. Попробовали сырой лук — горько. Масло попробовали без хлеба есть — тошно. Нашли банку из-под варенья. Ну, мы её вылизали и легли спать. Уже совсем поздно было.

Наутро проснулись голодные. Мишка сразу полез за крупой, чтоб варить кашу. Я как увидел, так меня даже в дрожь бросило.

— Не смей! — говорю. — Сейчас я пойду к хозяйке, тётё Наташе, попрошу, чтобы она нам кашу сварила.

Мы пошли к тётё Наташе, рассказали ей всё, обещали, что мы с Мишкой все сорняки у неё на огороде выколем, только пусть она поможет нам кашу сварить. Тётя Наташа сжалилась над нами: напоила нас молоком, дала пирогов с капустой, а потом усадила завтракать. Мы всё ели и ели, так- что тётя Наташин Вовка на нас удивлялся, какие мы голодные были.

Наконец мы наелись, попросили у тётя Наташи верёвку и пошли доставать из колодца ведро и чайник. Много мы провозились и, если бы Мишка не придумал

якорёк из проволоки смастерить, так бы ничего и не достали. А якорьком, как крючком, подцепили и ведро и чайник. Ничего не пропало — всё вытащили. А потом мы с Мишкой и Вовкой сорняки на огороде пололи.

Мишка говорил:

— Сорняки — это чепуха! Совсем нетрудное дело. Гораздо легче, чем кашу варить!

